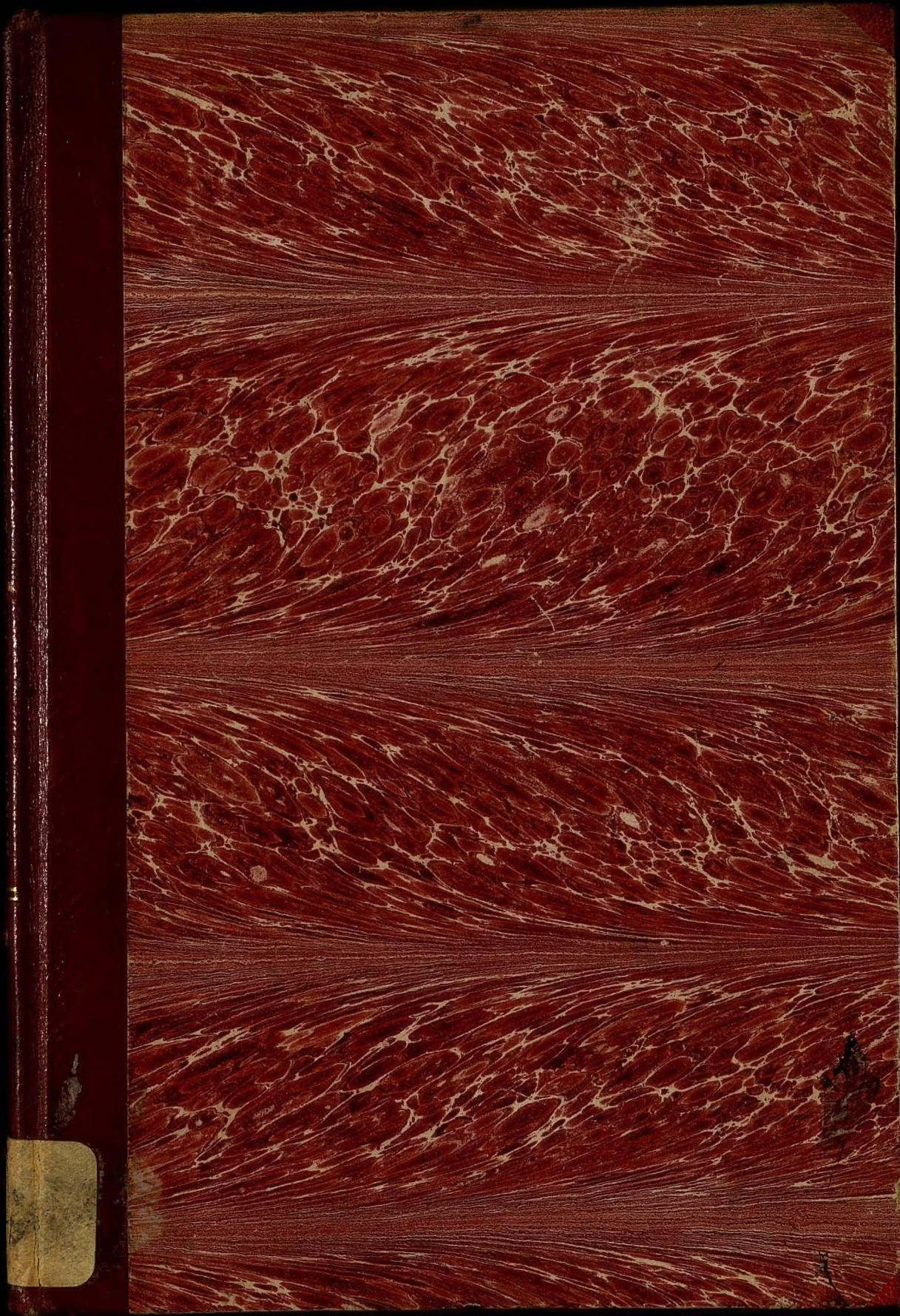

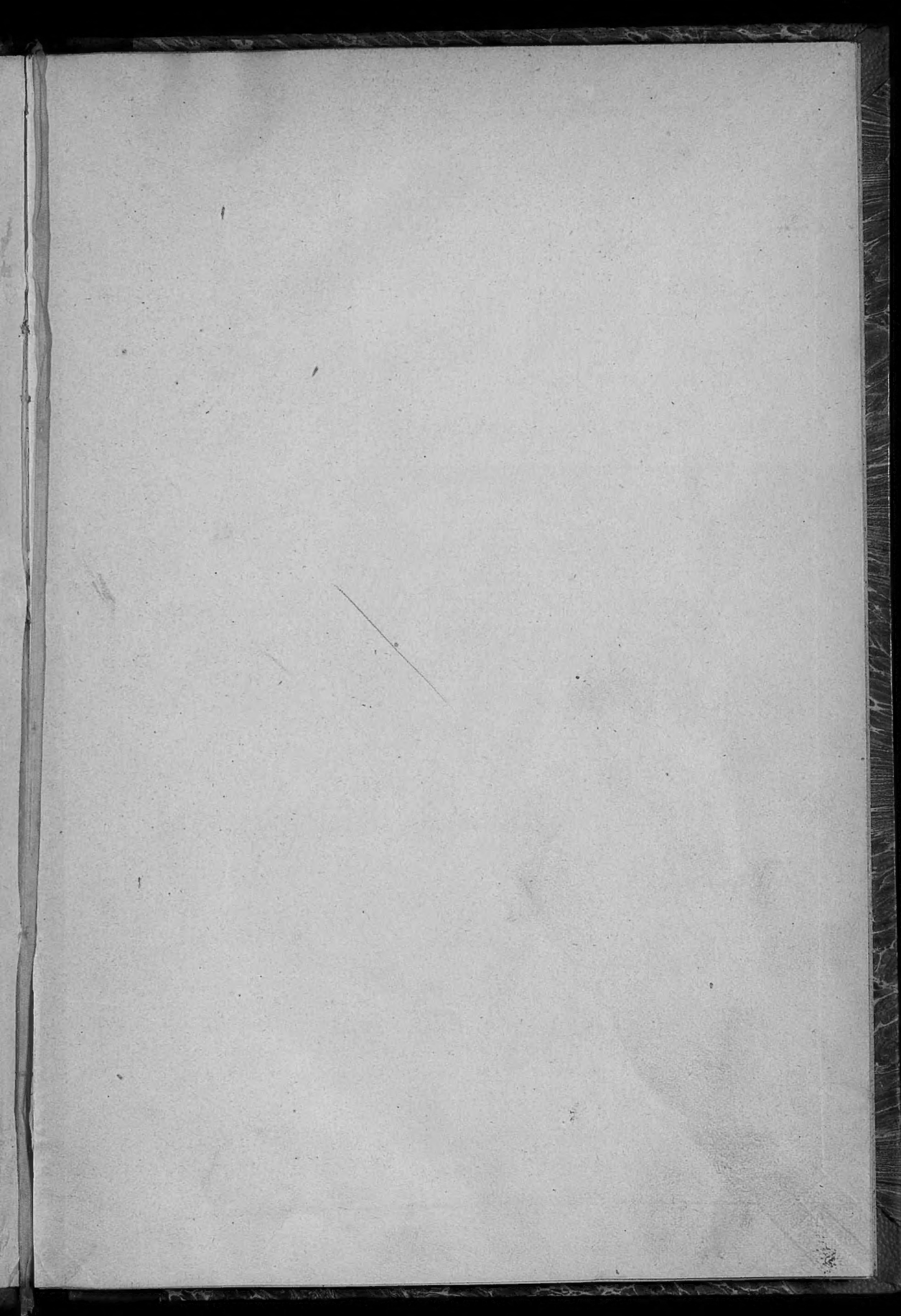

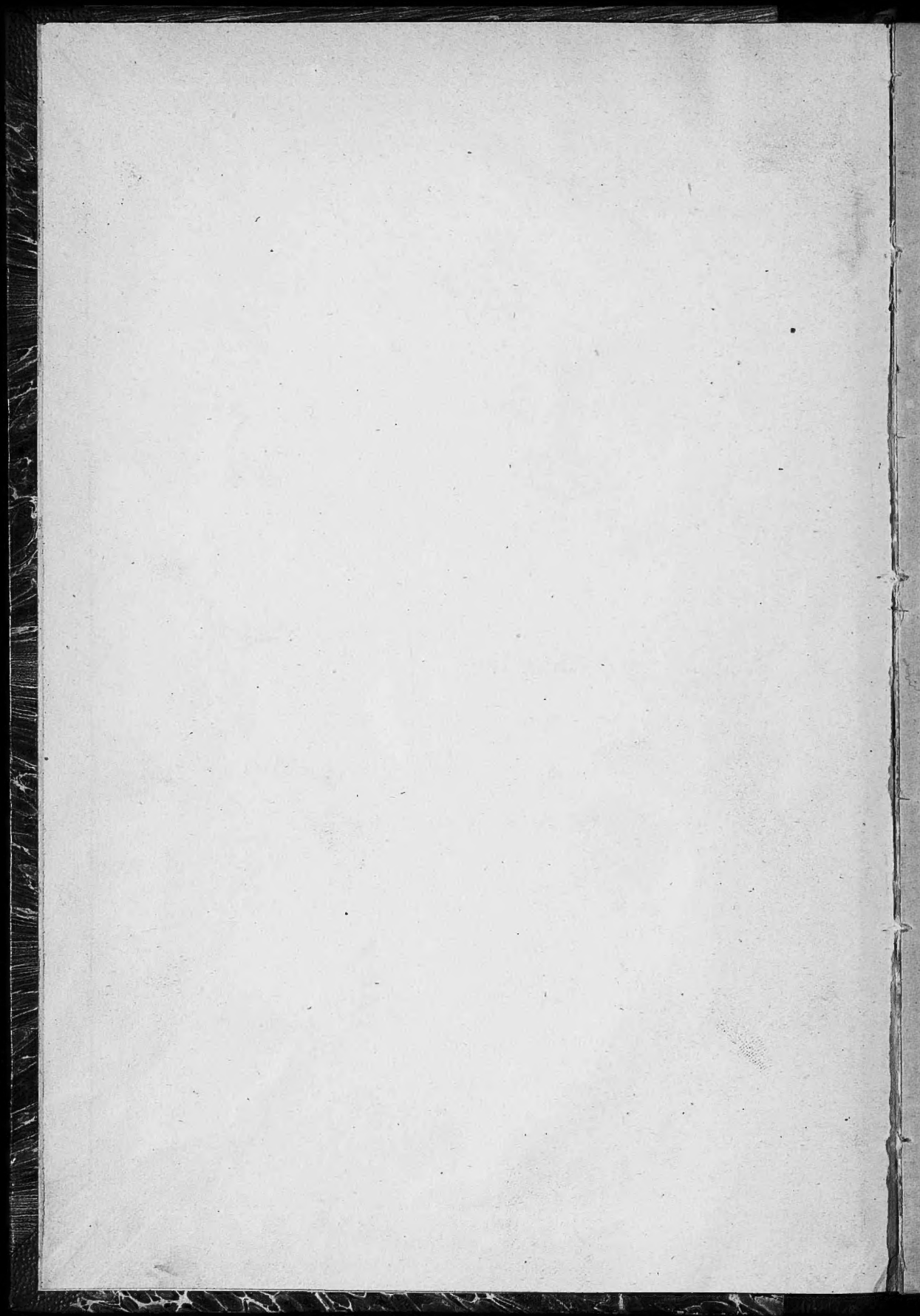
БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.

Шкафъ XXXIV М.

Полка 6 2.

№ ~~28~~ 14 4.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

Г. ДМИТРИЕВА

«ИСТОРІЯ СУДЕБНЫХЪ ИНСТАНЦІЙ И ГРАЖДАНСКАГО
АПЕЛЛЯЦІОННАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ОТЪ СУДЕБНИКА
ДО УЧРЕЖДЕНІЯ О ГУБЕРНІЯХЪ»,

СОСТАВЛЕННЫЙ

Членомъ - Корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ

Н. В. Калачовымъ.

626/97

1938097

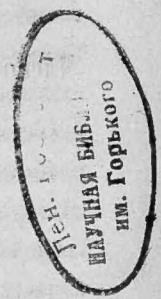
ГОРЬКОГО

С. Г. ГОРЬКОГО

Вопросы культуры и образования
и их роли в жизни общества
и государства

ГОРЬКОГО

Вопросы культуры и образования
и их роли в жизни общества
и государства

14890

1938097

Если бы могло быть какое-либо сомнѣніе въ томъ, что изученіе и разработка юридическаго быта древней Россіи уже успѣли занять у насъ надлежащее мѣсто въ наукѣ, то оно устраняется вполне замѣчательнымъ во всѣхъ отношеніяхъ сочиненіемъ Г. Дмитріева, представленнымъ на XXIX соисканіе Демидовскихъ наградъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудолюбіе и даровитость автора такъ счастливо отвѣчаютъ въ этомъ трудѣ съ одной стороны богатому матеріалу, приготовленному заботою правительства и частныхъ лицъ для ученой дѣятельности въ области исторіи Русскаго права, а съ другой — современнымъ отъ нея требованіемъ, что его нельзя не признать произведеніемъ, начинающимъ собою рядъ изслѣдованій, предназначенныхъ внести живительное начало науки въ занятія и работы нашихъ практическихъ юристовъ. Едва ли, однако, эта мысль входила въ планъ самого автора. Если Г. Дмитріевъ указываетъ, въ заключеніи къ своей книгѣ, на важное значеніе историческихъ изысканій по части Русскаго судопроизводства, если онъ говоритъ, что они «могутъ современемъ имѣть благотворное влияние на самую практику, которая только въ сближеніи съ наукою занимаетъ новыя силы», то изъ его предисловія видно, что онъ имѣлъ лишь цѣлью «прослѣдить въ главныхъ чертахъ тѣ

перемѣны, которыя происходили въ русскомъ процессѣ подъ вліяніемъ развитія государства, и тѣмъ опредѣлить, хотя поверхностно, сходство ихъ или различіе съ исторіею судопроизводства на западѣ.» Тѣмъ болѣе достоинства, думаемъ мы, слѣдуетъ признать за трудомъ, котораго исполненіе превзошло скромное предположеніе автора, и тѣмъ съ болѣе вниманіемъ обязаны мы разсмотрѣть его.

Обращаясь прежде всего къ задачѣ, назначенной себѣ Г. Дмитріевымъ, можно сказать съ полнымъ на то правомъ, что его изслѣдованіе представляетъ въ высшей степени добросовѣстную разработку тѣхъ фактовъ, которые служатъ къ разъясненію судоустройства и судопроизводства въ Россіи, начиная съ Судебника царя Ивана Васильевича до Учрежденія о Губерніяхъ. Съ этою цѣлью онъ принимаетъ три эпохи, изъ которыхъ двѣ первыя составляютъ, по общему мнѣнію, двѣ рѣзкія грани въ исторіи древняго русскаго законодательства, а третьею отдѣляется послѣднее отъ новой исторіи Россіи, именно: Судебникъ 1550 г., Уложеніе царя Алексѣя Михайловича и преобразованія Петра Великаго и его преемниковъ до Учрежденія о Губерніяхъ. Самый способъ изслѣдованія состоитъ въ томъ, что сначала авторъ излагаетъ необходимые факты, заимствуя ихъ изъ всѣхъ матеріаловъ не только современныхъ, но и предшествовавшихъ означеннымъ эпохамъ, съ тѣмъ, чтобы изъ сближенія ихъ вывести тѣ заключенія, которыя представляются несомнѣнными или же болѣе вѣроятными. И должно отдать справедливость изслѣдователю: если онъ не пожалѣлъ труда, чтобы собрать всѣ данныя, относящіяся къ его предмету, то и дѣлаемые имъ выводы, увлекаая читателя блестящимъ остроуміемъ, въ тоже время отличаются и той основательной критикой, которая не подчиняетъ фактовъ составленнымъ заранѣе теоретическимъ возрѣніямъ. Не смотря на то, эти полныя жизни очерки, изъ коихъ первый представляетъ картину судоустройства и судопроизводства въ Россіи отъ половины XVI до половины XVII вѣка, второй — не съ большимъ тридцатилѣтія,

а третій — опять цѣлыхъ ста лѣтъ, далеко не соответвуютъ другъ другу относительно изложенія. Между тѣмъ какъ первымъ двумъ главамъ (судоустройство и судопроизводство въ эпоху Судебника) посвящено 297 страницъ, включая сюда отчасти и разработку фактовъ предшествующаго времени; главы 3-я и 4-я (судоустройство и судопроизводство въ эпоху Уложения) излагаются на 142 страницахъ, а главамъ 5-й и 6-й (преобразования въ судоустройствѣ и судопроизводствѣ) уделено менѣе ста (440—535). Такая несоразмѣрность въ отдѣльных частяхъ изслѣдованія должна казаться еще поразительнѣе, если вспомнить, что чѣмъ ближе къ намъ эпоха, тѣмъ болѣе представляетъ она данныхъ для изслѣдованій, тѣмъ болѣе возбуждаетъ къ себѣ невольнаго сочувствія или непріязни, соприкасаясь непосредственно съ существующими учрежденіями, и тѣмъ, слѣдовательно, важнѣе по своимъ практическимъ результатамъ на современное общество. Но дѣлаемое всюду авторомъ указаніе на источники разрѣшаетъ наше недоумѣніе. Перевѣсь, который приходится въ его сочиненіи на долю XVII столѣтія, объясняется обиліемъ разнаго рода матеріаловъ этого времени, уже напечатанныхъ и потому доступныхъ для изслѣдованій. Къ этимъ матеріаламъ принадлежатъ не только законодательные памятники, но и распоряженія правительственныхъ мѣстъ и лицъ; далѣе акты, которые, въ противоположность официальнымъ, должно назвать частными, и наконецъ цѣлый разрядъ документовъ, оставленныхъ намъ древней судебной практикой. Если прибавить сюда матеріалы, носящіе названіе собственно историческихъ, но драгоценныхъ и для юриста по тѣмъ важнымъ извѣстіямъ, которыя разсѣяны въ нихъ о понятіяхъ и убѣжденіяхъ нашихъ предковъ, объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и дѣятельности, общественной и домашней, и которыми, въ одномъ случаѣ, отдѣльные акты, представляющіе нерѣдко лишь сухія формы, связываются въ живое цѣлое, а въ другомъ — пополняются новыми данными, то этого достаточно, чтобы понять, почему авторъ, имѣвшій для своего труда столь разнообраз-

разные памятники, не могъ ими не воспользоваться и не увлечься, можетъ быть, далѣе предѣловъ, необходимыхъ для того, чтобы уравнивать между собою разныя части своего труда.

Но такимъ объясненіямъ еще нельзя, по нашему мнѣнію, оправдать почтеннаго изслѣдователя. Мы думаемъ, напротивъ, что исторія судоустройства и судопроизводства въ XVII вѣкѣ разработана имъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ самъ призналъ необходимымъ для того, чтобы уяснить ее во всѣхъ подробностяхъ, и тѣмъ съ большимъ основаніемъ предложить читателю какъ общія черты, извлеченныя имъ изъ внимательнаго разсмотрѣнія всѣхъ источниковъ, такъ и отдѣльные выводы, предлагающіе, съ одной стороны, путь къ уразумѣнію дальнѣйшаго движенія законодательства и практики, а съ другой—подтверждающіе собою добытые уже въ предъидущихъ главахъ результаты юридическаго развитія народа и жизни. Такимъ образомъ не въ излишней обстоятельности изслѣдованія XVII вѣка, кажется намъ, заключается недостатокъ разсматриваемаго сочиненія, а въ несоразмѣрной съ нимъ сжатости изложенія судоустройства и судопроизводства въ XVIII столѣтіи. Самъ авторъ, по-видимому, вполне сознаетъ эту слабую сторону своего труда, означивъ заглавіемъ, какое имъ дано двумъ послѣднимъ главамъ его книги (*преобразованія*), что въ нихъ собраны лишь трупныя черты дѣятельности правительственной и частной въ данное время. На то же указываютъ и слѣдующія слова его: «Преобразованія Петра Великаго въ областномъ судоустройствѣ, говоритъ онъ, не извѣстны во всѣхъ подробностяхъ, и полнаго сужденія о нихъ произнести невозможно. Не только нѣтъ никакихъ указаній на дѣятельность новыхъ учреждений, но даже нельзя составить полнаго понятія о той системѣ, которая лежала въ ихъ основаніи. Извѣстія о нихъ разсеяны въ отрывочныхъ указахъ, изъ которыхъ часто не видно, что было кореннымъ учрежденіемъ и что временною мѣрой. Инструкціи, которыя должны были получить надворные суды и многія другія части управленія, не дошли до насъ (?); въ запискахъ того вре-

мени не сохранился планъ задуманной администраціи (?). По этому можно указать только на общія начала.» Но это служить и отвѣтомъ на вопросъ: почему авторъ не сдѣлалъ болѣе въ отношеніи къ XVIII столѣтію? Дѣйствительно, стоитъ взглянуть на источники, которыми онъ располагалъ въ настоящемъ случаѣ, чтобы убѣдиться въ томъ, на сколько онъ могъ достигнуть своей задачи. Въ подстрочныхъ выноскахъ къ принадлежащимъ сюда страницамъ его изслѣдованія, за исключеніемъ трехъ, четырехъ мѣстъ, встрѣчаются лишь ссылки на Полное Собраніе Законовъ, — матеріалъ, конечно, въ высшей степени драгоценный, но заключающій въ себѣ одни официальные акты, относящіеся притомъ преимущественно къ области законодательства. Что авторъ не прочь былъ воспользоваться и другими источниками, это ясно изъ того, что онъ заимствовалъ необходимыя ему свѣдѣнія у Посошкова, Данилова, Берхгольца и Татищева, и приводитъ даже цѣлыя отрывки изъ любопытныхъ матеріаловъ этой эпохи, напечатанныхъ недавно въ «Чтеніяхъ» Московскаго Общества Исторіи Древностей Россійскихъ. Вотъ почему, сознавая, что двѣ послѣднія главы книги Г. Дмитріева, оставили въ насъ впечатлѣніе лишь очерка, не вездѣ равно удовлетворительнаго и выдержаннаго, мы думаемъ, однако, что въ этой неполнотѣ не слѣдуетъ винить автора, а необходимо приписать ее скорѣе незначительному количеству доступныхъ для изслѣдователя матеріаловъ XVIII вѣка, къ изданію коихъ еще почти вовсе не приступали наши археографы. Но по этому самому мы считаемъ себя въ правѣ обратить въ нашей рецензій гораздо меньшее вниманіе на эту часть, чѣмъ на первую, болѣшую половину книги, полагая, что при разборѣ столь замѣчательнаго труда, задача рецензента должна заключаться не столько въ указаніи на случайныя упущенія автора, сколько на предлагаемые имъ выводы, составляющіе пріобрѣтеніе науки въ обширномъ смыслѣ, и на важность ихъ въ практическомъ отношеніи. Съ этой точки зрѣнія мы и постараемся обозначить съ возможною ясностію то, что кажется намъ въ окончательныхъ за-

ключеніяхъ Г. Дмитриева неподлежащимъ сомнѣнію, или же, напротивъ того, спорнымъ или слабымъ, а подобныя указанія мы признаемъ для себя возможными въ извѣстной степени только въ примѣненіи къ изслѣдованіямъ о судоустройствѣ и судопроизводствѣ XVII вѣка. Впрочемъ, прежде, нежели мы приступимъ къ этому, такъ сказать спеціальному, разбору, не можемъ не сдѣлать еще одного общаго замѣчанія.

Книгу свою Г. Дмитриевъ назвалъ «Исторіей судебныхъ инстанцій и гражданскаго апелляціоннаго судопроизводства отъ Судебника до Учрежденія о Губерніяхъ». Намъ кажется, что ни содержаніе его труда, ни даже предисловіе къ нему не оправдываютъ такое тѣсное заглавіе. Правда, что книга начинается словами, въ коихъ авторъ заявляетъ, что, избравъ предметомъ для своего изслѣдованія три самыхъ замѣчательныхъ вѣка въ исторіи русскаго права, онъ не думалъ представить полной картины стариннаго судопроизводства; но дѣло въ томъ, что онъ не ограничивается разсмотрѣніемъ однихъ судебныхъ учреждений, въ соединеніи ихъ съ значеніемъ и порядкомъ апелляцій; напротивъ того, оба эти предмета изслѣдованія связываются имъ всюду съ системою управленія и со всею обстановкою и принадлежностями суда, начиная отъ зарожденія иска до окончательнаго его рѣшенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, авторъ старается уяснить и самыя формы процесса; словомъ, представляетъ на самомъ дѣлѣ болѣе или менѣе полную картину судоустройства и судопроизводства до-петровской Россіи. Поэтому, если мы не ошибаемся, заглавіемъ, даннымъ своей книгѣ, Г. Дмитриевъ хотѣлъ указать на тѣ результаты, къ которымъ привели его сдѣланныя въ ней изслѣдованія съ одной стороны объ отношеніяхъ между собою судебныхъ учреждений въ Россіи до конца XVIII столѣтія, а съ другой—о соотвѣтствіи въ началѣ и противоположности въ развитіи русскаго процесса судоустройству и судопроизводству западныхъ государствъ въ связи съ совершеннымъ отличіемъ исторіи апелляціи этихъ послѣднихъ отъ хода ея у насъ, — результаты, которые есть можетъ быть

полное основаніе признать особенно важными. Но въ такомъ случаѣ мы считаемъ долгомъ высказать наше убѣжденіе, что скромность автора можетъ подать поводъ къ недоразумѣнію: въ его изслѣдованіи, кромѣ означенныхъ результатовъ, встрѣчаются выводы, имѣющіе, какъ мы постараемся объяснить далѣе, столь общее значеніе для науки и практики, что ими не могутъ не дорожить наши юристы.

Изслѣдованіе свое Г. Дмитріевъ начинаетъ съ того времени, когда отдѣльныя княжества становятся постепенно подвластными великому князю Московскому. Это происходило въ теченіе XIV и XV столѣтій. Въ болѣе отдаленную древность авторъ не проникаетъ въ качествѣ критика, и лишь по необходимости представляетъ выводы, сдѣланные другими изслѣдователями о характерѣ суда и расправы въ началѣ государства. Но и на отношенія Москвы къ ея областямъ онъ указываетъ почти мимоходомъ до втораго Судебника, которымъ, по его словамъ, вносится государственнѣйшій элементъ въ отношенія прежняго времени и начинается новая эпоха въ законодательствѣ. Что касается до самаго характера этого памятника, то вотъ что говоритъ о немъ Г. Дмитріевъ: «Сохранивъ казуистическую форму закона, вышедшаго изъ сферы Московской практики, Судебникъ вскорѣ становится закономъ для всей Россіи, служа вспомогательнымъ источникомъ права для всякаго областнаго суда, для всякой уставной грамоты. Это первое общее законодательство въ географическомъ смыслѣ, но только въ географическомъ: въ немъ безпрестанно проглядываетъ порядокъ, сложившійся для одного небольшого удѣла и потомъ примѣненный къ цѣлому государству.» И далѣе: «Мѣстные юридическіе обычаи не могли сохраниться, когда почти единственнымъ источникомъ права признавались законы Московскаго удѣла. Въ самомъ дѣлѣ, съ этихъ поръ направленіе юридической жизни измѣняется. Кладя преграду самовластію, обезпечивая обычную форму суда, Судебникъ не вовсе помѣшалъ дальнѣйшему развитію обычая, но перенесъ его на другую почву:

онъ продолжалъ развиваться и пополняться судебною практикой приказовъ. Вся прежняя дѣятельность народа перешла въ руки дьяковъ, которыхъ значеніе все усиливалось по мѣрѣ накопленія письменныхъ законовъ. Даже древнѣйшіе русскіе города не оставили слѣдовъ въ законодательствѣ послѣ Судебника» (стр. 11—12).

Мы остановимся на этихъ словахъ, чтобы заявить наше несогласіе съ выраженнымъ въ нихъ общимъ взглядомъ на степень взаимнаго вліянія элементовъ центрального и областного, какъ въ самомъ Судебникѣ, такъ и въ судоустройствѣ и судопроизводствѣ XVI вѣка. Мысль автора относительно преобладанія въ Россіи съ этого времени Московской практики основывается, кажется, главнымъ образомъ на томъ его убѣжденіи, что преобразованія Грознаго внесли въ областное управленіе *новое выборное начало*, и что законы вытѣснили въ областныхъ судахъ *листные* обычаи. Однако, рядомъ съ этимъ, авторъ замѣчаетъ, что кромѣ намѣстниковъ, волостелей, тиуновъ и такъ называемыхъ приказныхъ людей, на основаніи жалованныхъ грамотъ настоящаго и прежняго времени, судъ принадлежалъ или самимъ подсуднымъ лицамъ, т. е. общинамъ, или землевладѣльцамъ. Одно изъ двухъ: или судъ дѣйствительно принадлежалъ общинамъ до Судебника, и притомъ съ правомъ выборнаго начала, или же вовсе не принадлежалъ имъ. Если нельзя сомнѣваться въ первомъ, какъ утверждаетъ далѣе и самъ Г. Дмитріевъ, хотя и видитъ здѣсь со стороны общинъ лишь фактъ, а не право, то въ отношеніи къ нимъ судъ князей и ихъ намѣстниковъ, волостелей и тиуновъ разнаго рода, помимо финансовой стороны ихъ управленія и юрисдикціи въ дѣлахъ уголовныхъ, долженъ былъ заключаться не въ разсмотрѣніи споровъ между членами каждаго отдѣльнаго селенія, а въ повѣркѣ рѣшеній общинныхъ или земскимъ судеекъ, какъ назывались они впоследствии, и въ разбирательствѣ споровъ между отдѣльными общинами. Что князья, какъ и ихъ судьи, шли во многихъ случаяхъ далѣе такихъ границъ, это понятно и естествен-

но, а равно и то, что въ эпоху царскаго Судебника они могли вовсе вытѣснить означенныхъ судеекъ; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы выборное начало было введено Грознымъ какъ вовсе *новое*. Въ Судебникѣ онъ признаетъ лишь общимъ правиломъ, чтобы на судѣ у намѣстниковъ и волостелей находились *лучшіе люди*, какъ это было и до него тамъ, гдѣ первые не успѣли ихъ вытѣснить, а нѣкоторыми жалованными грамотами возстановляетъ прежній общинный судъ безъ контроля намѣстниковъ, въ замѣнъ чего общины облагаются оброкомъ въ казну. По Московскій ли обычай указалъ царю на это возобновленіе старины, и основываясь ли только на немъ царь внесъ его какъ законъ въ свой Судебникъ и какъ привилегію въ свои жалованныя грамоты? Быть можетъ отчасти и Московскій; но достоверно намъ извѣстно, что поводомъ къ тому служили и жалобы на намѣстниковъ, доходившія до царя отъ разныхъ общинъ въ бывшихъ удѣльныхъ княжествахъ. И такъ мы въ правѣ думать, вопреки автору, что именно древнѣйшіе русскіе города, или лучше сказать общины областей, подвластныхъ Москвѣ, оставили свои слѣды въ законодательствѣ какъ Судебника, такъ и отчасти и позднѣйшаго времени. Но этимъ еще не ограничивается, по нашему мнѣнію, вліяніе мѣстныхъ отношеній на законодательство. Сосредоточеніе въ XVI и XVII вѣкахъ бѣльшей части такъ называемыхъ *черныхъ земель* въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ (подъ названіемъ помѣщичьихъ и вотчинныхъ), духовенства (подъ названіемъ домовыхъ, монастырскихъ и церковныхъ) и самаго государя (подъ названіемъ дворцовыхъ) сдѣлало излишними правила о судѣ чиновниковъ отъ правительства надъ лицами, поселенными на этихъ земляхъ, такъ какъ онъ остался, по древнему обычаю, частнымъ правомъ означенныхъ владѣльцевъ и общинъ, удержавшихъ свои жалованныя грамоты. Конечно, такое вліяніе областного обычая на законодательство было лишь отрицательное, но на оборотъ, даже замѣненіе намѣстниковъ воеводами послѣ смутнаго періода не произвело рѣшительной перемѣны въ правѣ суда и въ

судебныхъ обычаяхъ привилегированныхъ лицъ почти до самыхъ преобразованій Петра Великаго.

Мы сочли долгомъ сдѣлать это замѣчаніе, ибо полагаемъ, что дальнѣйшія изслѣдованія Г. Дмитріева нисколько не противорѣчатъ нашему взгляду, а напротивъ, служатъ ему подтвержденіемъ. Мы даже убѣждены въ томъ, что предложенные имъ выводы, относительно каждаго изъ упомянутыхъ предметовъ въ отдѣльности, могутъ быть признаны не подлежащими спору, включая сюда и подробное сужденіе автора о новомъ значеніи, приданномъ выборному началу Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. По этому наше возраженіе относится только къ приведенному выше мѣсту изъ разсматриваемой книги, которое, въ видѣ общей мысли, можетъ дать читателямъ ложное понятіе объ отдѣльныхъ частяхъ изслѣдованія, находясь съ ними въ замѣченномъ нами противорѣчій.

Отъ общаго взгляда на значеніе и характеръ Судебника Г. Дмитріевъ переходитъ къ разсмотрѣнію: 1) различныхъ органовъ суда и писмоводства, и 2) свѣдѣній, разсѣянныхъ въ памятникахъ XV, XVI и первой половины XVII вѣка о подсудности, докладѣ и инстанціяхъ. Въ отношеніи къ первымъ, мы находимъ въ разбираемой нами книгѣ изслѣдованія о судьяхъ областныхъ: намѣстникахъ, волостеляхъ, тіунахъ, праведникахъ и доводчикахъ, слободчикахъ, посельскихъ, прикащикахъ, судныхъ мужахъ, губныхъ старостахъ, земскихъ судейкахъ, воеводахъ съ подчиненными имъ судьями и о привилегированныхъ лицахъ; далѣе о судахъ центральныхъ: Приказахъ, Царской или Боярской Думѣ и самомъ царѣ, какъ верховномъ судѣ; наконецъ о судьяхъ временныхъ, которымъ поручаемы были особыя дѣла, извѣстныхъ подъ названіемъ третейскихъ и данныхъ; что касается до свѣдѣній о дьякахъ и дьячкахъ, занимавшихся писмоводствомъ, то объ нихъ говорится въ нѣсколькихъ мѣстахъ 1-й главы, ибо они находились при судьяхъ разныхъ названій. Всѣ эти термины объясняются авторомъ подробно, при чемъ онъ входитъ въ обстановку лицъ, носившихъ то или

другое названіе; по особеннаго вниманія заслуживаютъ его розысканія о такъ называемыхъ судныхъ мужахъ, о губныхъ старостахъ и излюбленныхъ или земскихъ судьяхъ. Это, по истинѣ, образцовыя монографіи: иначе мы не можемъ назвать ихъ, припоминая себѣ то полное наслажденіе, которое онѣ намъ доставили своею тщательною обработкою, мастерскимъ изложениемъ и искусною группировкою фактовъ. Чтобы отчасти подтвердить наши слова, мы постараемся указать на тѣ изъ настоящихъ выводовъ автора, которые считаемъ особенно значительными для науки, отмѣчая вмѣстѣ съ тѣмъ и то, въ чемъ не можемъ вполне согласиться.

Суднымъ мужьямъ Г. Дмитріевъ приписываетъ происхожденіе народное, и молчаніе о нихъ въ законодательствѣ до XV вѣка объясняетъ тѣмъ, что законъ долго не заботился объ обычномъ правѣ, долго не обращалъ вниманія на внутреннее устройство суда, довольствуясь однимъ опредѣленіемъ количества судныхъ пошлинъ. Этотъ, по нашему мнѣнію, вполне вѣрный выводъ даетъ ему возможность придти и къ другому столь же удачному выводу относительно превращенія лучшихъ мужей въ цѣловальниковъ. Изъ челобитной жителей слободъ Керети и Ковды въ 1542 г., говоритъ авторъ, видно, что цѣловальники были избраны ими самими, съ тѣмъ чтобы они присутствовали, съ утвержденія царя, на судѣ у слободчиковъ и данчиковъ вмѣсто прежнихъ лучшихъ людей (сотскихъ, старость, дворскихъ и проч.), которыхъ эти послѣдніе не допускали на судъ, уже, какъ видно, исключительно ими себѣ присвоенный. Царь велѣлъ выбранныхъ привести къ присягѣ. Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ, право держать на судѣ цѣловальниковъ давалось въ качествѣ привилегіи, какъ милость, потому что выбранные присяжные представляли подсудимымъ болѣе гарантіи, чѣмъ лучшіе люди. Вторымъ Судебникомъ цѣловальники, вмѣстѣ съ старостами, введены для присутствія на судѣ уже въ качествѣ общаго учрежденія (стр. 43).

Отъ опредѣленія происхожденія цѣловальниковъ Г. Дми-

тріевъ переходитъ къ ихъ значенію, и для этого останавливается опять на значеніи судныхъ мужей или лучшихъ людей, которые замѣнены были цѣловальниками. Они присутствовали на судѣ какъ свидѣтели, но какъ такіе свидѣтели, которые должны были вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдать за правильностью суда и, по видимому, за интересами сторонъ, такъ какъ призывались изъ тѣхъ мѣстностей, къ которымъ принадлежали сами тяжущіеся. Но авторъ не рѣшается сказать утвердительно, въ чемъ должно было состоять обезпеченіе, представляемое тяжущимся присутствіемъ на судѣ членовъ ихъ общинъ. Можетъ быть, говоритъ онъ, даже только въ томъ, что такіа лица не солгутъ при докладѣ. Мы думаемъ, что въ настоящемъ случаѣ очень важно свидѣтельство, найденное нами въ одномъ судебскомъ приговорѣ XVII вѣка, въ которомъ сказано, что цѣловальники на самомъ судѣ *такали* земскому судѣ, т. е. подтверждали его рѣчи; а этого они, конечно, могли и не дѣлать, если находили его рѣшеніе неправильнымъ, чѣмъ самымъ подтверждается и приведенный выше выводъ Г. Дмитріева, что судные мужы должны были наблюдать за правильностью суда. Такимъ образомъ мы вполне согласны повторить вмѣстѣ съ нимъ превосходное замѣчаніе покойнаго профессора Морошкина, что цѣловальники, какъ и вообще лучшие люди, были вѣщателями права, жившаго въ народныхъ обычаяхъ, и что они-то и пополняли формы суда матеріальнымъ содержаніемъ. Мы не можемъ, однако, съ своей стороны, подтвердить безусловно ограниченіе, какое авторъ признаетъ необходимымъ допустить въ этихъ словахъ, находя, что они не должны быть относимы и къ эпохѣ Судебника. «Московскій законъ», говоритъ онъ, ничего не знаетъ о судебномъ правѣ цѣловальниковъ.» Но если по Судебнику цѣловальники производятъ обыскъ, если имъ вручается списокъ суда, и если тяжущіеся имѣютъ право жаловаться на судью, то кажется еще нельзя утверждать рѣшительно, чтобы цѣловальники были имъ сразу лишены права и на судахъ намѣстниковъ и волостелей *такать* или, при несогласіи съ ними, если не возражать, то, по крайней

мѣръ, говорить въ защиту сторонъ, коихъ они являются выборными. Что же касается до того, что по свидѣтельству позднѣйшихъ памятниковъ, на старость и цѣловальниковъ возложена была правительствомъ отвѣтственность за всѣ денежные сборы, вслѣдствіе чего они превратились въ чиновниковъ и сами сдѣлались тяжелы для народа, то намъ кажется, что этотъ фактъ указываетъ лишь на то, что, говоря о цѣловальникахъ, необходимо дѣлать различіе между тѣми изъ нихъ, которые являются съ такимъ характеромъ преимущественно въ управленіе воеводское, не засѣдая притомъ болѣе въ судахъ, и тѣми, которые, напротивъ того, присутствовали въ судахъ намѣстниковъ и волостелей, а въ черныхъ волостяхъ сидѣли у разбора дѣлъ земскими судейками еще въ XVII вѣкѣ.

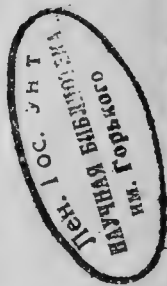
О выводахъ Г. Дмитріева относительно губныхъ старостъ мы ограничимся однимъ общимъ замѣчаніемъ, что ими весьма удовлетворительно разъясняется въ частностяхъ причина установленія этой должности Грознымъ и значеніе, какое они имѣли какъ при немъ, такъ и впослѣдствіи, когда получили болѣе пространный кругъ вѣдомства; кромѣ того, авторъ опредѣляетъ довольно полно отношеніе губныхъ старостъ къ воеводамъ въ разное время. Но намъ кажется, что даже на основаніи однихъ извѣстныхъ источниковъ было бы возможно придти къ болѣе окончательному заключенію касательно взаимной связи и отношенія между губнымъ управленіемъ, введеннымъ какъ новое установленіе въ XVI вѣкѣ, и губами съ ихъ старостами древнѣйшаго времени. Нѣтъ сомнѣнія, что совершенно параллельно съ выводами автора относительно цѣловальниковъ можно указать и на древнія губы съ ихъ общиннымъ судомъ не только въ дѣлахъ гражданскихъ, но и уголовныхъ, какъ на образецъ, послужившій Грозному для того, чтобы дать выборнымъ отъ цѣлаго уѣзда для поимки воровъ и разбойниковъ названіе губныхъ старостъ, руководствуясь при этомъ указаніемъ самыхъ общинъ, которыя испрашивали себѣ такую привилегію въ болѣе обширномъ размѣрѣ, чѣмъ пользовались ею волости, называвшія-

ся губами. Что такое обьясненіе не было бы произвольно, подтверждается, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что Дмитріевская волость въ Новоторжскомъ уѣздѣ, носившая также изъ глубокой древности имя губы, еще въ концѣ XVII вѣка пользовалась такъ называемымъ губнымъ правомъ совершенно въ томъ смыслѣ, какое соединено съ нимъ въ уставныхъ грамотахъ Грознаго.

Учрежденіе излюбленныхъ или выборныхъ судей авторъ приписываетъ признацію этимъ же царемъ необходимости ограничить злоупотребленія намѣстниковъ и волостелей. «Новое учрежденіе должно было, говоритъ онъ, удовлетворить разомъ двумъ главнымъ потребностямъ эпохи, одной правительственной, другой народной. Надобно было, съ одной стороны, не лишить намѣстниковъ и волостелей ихъ законныхъ кормовъ и пошлинъ; съ другой — замѣнить ихъ третьейсую расправу между волостями другою, менѣе обременительною, но сохраняющею тотъ же характеръ безучастія, или равнаго участія къ интересамъ лицъ подсудныхъ. Первой потребности удовлетворить было не трудно. Естественнымъ средствомъ къ тому былъ *откупъ*, извѣстная денежная сумма, платимая волостями за *присудъ*, за тѣ пошлыны, которыя получалъ намѣстникъ. Чтобъ совершенно оградить волости отъ его вмѣшательства, этотъ откупъ или оброкъ вносился въ государеву казну самими крестьянами. Для другой цѣли, т. е. чтобы сдѣлать земское управленіе совершенно безпристрастнымъ, оно составлено изъ представителей всѣхъ свободныхъ общинъ того округа, изъ котораго оно избиралось» (стр. 62). Но выборное управленіе, замѣчаетъ справедливо авторъ, не было произведеніемъ XVI вѣка: оно существовало издревле, къ нему сама собою, естественно, возвращалась всякая община, неотданная въ кормленіе, предоставленная самой себѣ. Тѣмъ не менѣе земская расправа, появляющаяся при Грозномъ, составляетъ, по мнѣнію Г. Дмитріева, новое, важное явленіе. Взглядъ на самоуправленіе общинъ измѣнился въ это время. Прежде онѣ пользовались внутреннею расправою какъ правомъ, теперь же, кромѣ

того, за ними была признана обязанность судиться и управляться самими собою. Отсюда и тѣ взысканія, которыя падаютъ на волостныхъ начальниковъ за всякую неправду, за всякое притѣсненіе, ибо это была ихъ земская служба, за которую не всегда даже слѣдуетъ награда, между тѣмъ какъ за несправедливость грозитъ имъ и смертная казнь, и конфискація. Трудно было бы не согласиться съ такимъ выводомъ, основаннымъ на глубокомъ изученіи источниковъ. Можно только усомниться въ томъ, вѣрно ли выражается при этомъ авторъ, говоря, что до времени Грознаго право суда общинъ давалось имъ какъ *финансовая льгота, какъ отрасль дохода*, отъ котораго казна *отступалась въ ихъ пользу*. Сколько мы можемъ судить, имѣя въ виду древнѣйшіе памятники, князья, получивъ право суда, вслѣдствіе ли свободного приглашенія ихъ племенемъ, или вслѣдствіе завоеванія, отказывались отъ этого права, равно какъ и отъ другихъ выгодъ, соединенныхъ съ признаніемъ ихъ верховной власти, не иначе какъ подъ условіемъ уплаты имъ *дани*. Поэтому финансовая льгота для общинъ, освобождаемыхъ отъ суда намѣстниковъ и волостелей, могла состоять лишь въ освобожденіи ихъ отъ злоупотребленій этихъ послѣднихъ, а не отъ назначенныхъ имъ судебныхъ пошлинъ, которыя, напротивъ, должны были въ такомъ случаѣ замѣняться оброкомъ или увеличеніемъ *дани*, платимой общиною въ казну великаго или удѣльнаго князя. Только въ видѣ исключенія, при образованіи новыхъ общинъ, онѣ освобождалась на нѣсколько лѣтъ отъ разныхъ повинностей въ пользу намѣстниковъ или волостелей, а въ томъ числѣ и отъ пошлинъ судебныхъ; впрочемъ такія привилегіи встрѣчаются и въ XVII вѣкѣ. Слѣдовательно, въ смыслѣ льготы уставныя грамоты Грознаго не представляютъ, по нашему мнѣнію, ничего новаго.

Что касается до отношенія земскихъ судеекъ къ воеводамъ, то для того, чтобы опредѣлить его съ надлежащею точностью, кажется, необходимо сдѣлать различіе между такъ называемыми *всеуздными старостами*, засѣдавшими въ городахъ, въ земскихъ

08811

избахъ, подъ бѣльшимъ или мѣньшимъ вліяніемъ воеводъ, отъ излюбленныхъ судеекъ отдѣльныхъ общинъ. Первыхъ дѣйствительно воеводы могли стѣснять въ ихъ правахъ, для вторыхъ, напротивъ, они были въ XVII вѣкѣ высшими судьями. Поэтому относительно подчиненія общинъ, получившихъ привилегіи отъ Грознаго, высшей инстанціи по суду, можно, кажется, основательно вывести заключеніе, что при намѣстникахъ имъ дано было право обращаться непосредственно въ Москву; при воеводахъ же, напротивъ того, за нѣкоторыми развѣ исключеніями, дѣло, рѣшенное земскимъ судьейкою, переходило въ Приказъ не иначе, какъ черезъ ихъ посредство. Г. Дмитріевъ не выяснилъ этого различія можетъ быть за недостаткомъ бывшихъ у него подъ рукою источниковъ.

Переходя къ разсмотрѣнію воеводъ въ качествѣ областныхъ судей, авторъ бросаетъ свѣтлый взглядъ на характеръ воеводскаго управленія, въ противоположность управленію намѣстниковъ и волостелей. «Оно несло съ собою, говоритъ онъ, зародышъ важной перемѣны въ самомъ составѣ территоріи Московскаго государства. Введенное съ военною цѣлію, оно было приспособлено къ военнымъ потребностямъ, и къ историческому раздѣленію земли присоединило новое, основанное на государственныхъ соображеніяхъ. Возникаютъ цѣлыя группы городовъ, зависящихъ отъ одного города не вслѣдствіе своего происхожденія, но по требованіямъ чисто административнымъ. Въ самомъ взглядѣ правительства на областное управленіе съ введеніемъ воеводъ произошла значительная перемѣна. Власть намѣстниковъ и волостелей не опредѣлялась, а ограничивалась. Намѣстникъ не получалъ никакого наказа. Ему давали послушную грамоту и доходный списокъ. Въ уставныхъ грамотахъ, испрошенныхъ общинами, не опредѣлялась дѣятельность намѣстника, но полагались ей предѣлы. Напротивъ того, въ воеводскихъ наказахъ видимъ опредѣленіе воеводской должности: сказано, по мѣрѣ возможности, что и какъ онъ долженъ дѣлать. Кормленіе сначала вовсе не было въ виду при назначеніи вое-

водъ; впоследствии хотя оно и привилось къ ихъ управленію, но никогда не стояло на первомъ планѣ. Правительство не только не опредѣляло, какъ прежде, кормовъ и поборовъ областныхъ чиновниковъ, но даже строго запрещало брать и давать ихъ» (стр. 72).

Въ отношеніи суда, принадлежавшаго воеводамъ, мы отмѣтимъ тѣ выводы автора, которыми онъ характеризуетъ его въ отличіе отъ суда кормленщиковъ, съ тѣмъ, чтобы въ тоже время опредѣлить ихъ нѣсколько точнѣе. Во-первыхъ онъ утверждаетъ, что «судъ въ древнѣйшую эпоху разсматривался всего болѣе какъ право; на воеводѣ же онъ лежалъ какъ обязанность.» Если подъ словомъ судъ здѣсь разумѣется одно право получать доходъ, кормленіе въ собственномъ смыслѣ, то мы вполне согласны съ этимъ выводомъ, имѣя въ виду, что во многихъ случаяхъ все дѣло кормленщика на судѣ состояло дѣйствительно лишь въ томъ, чтобы онъ *смотрѣлъ своего прибытка*, т. е. не упускалъ слѣдовавшихъ ему пошлинъ съ того или другаго судебного дѣйствія. Но, помимо финансовой части, на немъ лежали и обязанности по суду, состоявшія въ разборѣ тѣхъ дѣлъ, которыя не были предоставлены самимъ общинамъ, или не могли быть рѣшены окончательно ихъ выборными судьями, или наконецъ требовали пересмотра по жалобѣ сторонъ, равно какъ и тѣхъ, которыя возникали между лицами разныхъ общинъ: во всѣхъ этихъ случаяхъ мы думаемъ, что если судья имѣлъ право суда, то чрезъ то самое на немъ лежала и обязанность юрисдикціи. И такъ лишь съ этимъ ограниченіемъ мы согласны сказать вмѣстѣ съ Г. Дмитриевымъ, что судъ намѣстниковъ и волостелей разсматривался *всего болѣе* какъ право, ибо дѣйствительно можно думать, что означенные случаи суда, гдѣ онъ лежалъ на кормленщикахъ какъ обязанность, были довольно рѣдки въ сравненіи съ тѣми, гдѣ они только *смотрѣли своего прибытка*.

Другой выводъ автора относительно права суда воеводъ въ сравненіи съ правомъ намѣстниковъ и волостелей, заключается въ томъ, что послѣдніе не находились ни въ какомъ между

между собою подчиненіи: каждый стоитъ совершенно отдѣльно и зависитъ прямо отъ Москвы, т. е. ни намѣстникъ не находится въ іерархическомъ отношеніи къ другому, ни волостель или слободчикъ къ намѣстнику. Причину этому Г. Дмитріевъ видитъ въ томъ, что право суда было жалованьемъ, и потому могла быть разни́ца въ объемѣ, но самостоятельность судебная означенныхъ лицъ была равная. Между воеводами появляется напротивъ іерархія какъ въ управленіи, такъ и въ судебной расправѣ: есть подчиненность и начальство. Дѣйствительно волостели были, кажется, независимы отъ намѣстниковъ, однако въ источникахъ есть указанія, что въ числѣ послѣднихъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые находились *подъ* другими. Съ другой стороны, подчиненность между воеводами устанавливается главнымъ образомъ уже во второй половинѣ XVII вѣка, и не смотря на то, мы и въ это время видимъ, что большая часть воеводъ находится въ исключительной зависимости отъ Москвы. Притомъ, кромѣ городскихъ, встрѣчаются воеводы въ слободахъ и селеніяхъ, которыхъ можно сравнить съ прежними волостелями и которые были также независимы въ мѣстномъ управленіи. Слѣдовательно нельзя, кажется, дѣлать такого рѣзкаго различія, относительно начала подчиненія между управленіемъ воеводскимъ и намѣстничьимъ: можно только сказать, что въ первомъ оно уже основывалось на твердыхъ государственныхъ соображеніяхъ, впрочемъ не въ примѣненіи къ суду, какъ сознается даже самъ авторъ (см. стр. 83 и 84), между тѣмъ какъ во второмъ находилось еще въ зародышѣ.

Далѣе Г. Дмитріевъ указываетъ на новое значеніе, какое получили судебныя привилегіи и подсудность въ управленіе воеводское. Привилегіи по суду при намѣстникахъ заключались въ освобожденіи, постоянномъ или временномъ, отъ мѣстной власти, почему столь же мало можно сдѣлать имъ классификацію, какъ и вообще финансовымъ льготамъ. Напротивъ, въ эпоху воеводъ уже нѣтъ жалованныхъ грамотъ этого рода: избавленіе отъ мѣстнаго суда имѣетъ основаніемъ только жела-

ше доставить облегченіе лицамъ подсуднымъ посредствомъ однообразія въ ихъ подчиненности; слѣдовательно здѣсь привилегіи совпадаютъ съ подчиненіемъ по *сословному началу*. Другое основаніе привилегіи есть начало владѣльческое или принадлежность суда собственнику земли относительно лицъ, на ней поселенныхъ. Что касается до подсудности, то такъ называемый судъ *смыстный* или *общій*, который былъ необходимъ при столкновеніи между лицами, подлежащими разнымъ судебнымъ властямъ, какъ результатъ двухъ разныхъ правъ на судебныя пошлины, составляетъ въ воеводское управленіе лишь исключеніе, ибо пошлины вездѣ поступали въ казну, слѣдовательно можно уже было принять и другія, менѣе сложныя начала подсудности. Наконецъ самыя присуды или судебныя округа получаютъ болѣе постоянное значеніе, а съ другой стороны и опредѣленія закона о судѣ и расправѣ увеличиваются въ своемъ количествѣ. Къ этимъ выводамъ мы прибавимъ только, вопреки автору, что встрѣчающееся въ практикѣ, особенно XVII вѣка, отступленіе отъ исчисленныхъ имъ началъ, лежавшихъ въ основѣ воеводскаго суда и управленія, не слѣдуетъ приписывать однимъ случайнымъ отклоненіямъ и искаженіямъ, которыя производили въ нихъ злоупотребленія. Въ дѣйствительной жизни, всякое учрежденіе, существующее продолжительное время, каково бы ни было его начало, зависитъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи отъ окружающей его среды и вообще отъ условій мѣстности и эпохи, почему самому къ полной его характеристикѣ, какъ учрежденія отжившаго, могутъ принадлежать и черты, по видимому не соотвѣтствующія цѣли, для которой оно было предназначено, или тѣмъ основаніямъ, которыми оно было вызвано; тѣмъ не менѣе эти черты не должны быть отъ него отдѣляемы. Тоже должно сказать и объ управленіи воеводскомъ. Основываясь на этомъ, мы думаемъ, что полная его характеристика, которую весьма отчетливо представляютъ намъ дальнѣйшія изслѣдованія Г. Дмитріева, указываетъ на необходимость различать это управленіе въ началѣ и въ послѣдующемъ его

развитіи. Дѣйствительно, поставленные въ противоположность намѣстникамъ, воеводы должны были, управляя съ ними на ряду, отличаться отъ нихъ тѣми рѣзкими чертами, которыя такъ искусно выставляетъ авторъ; но когда они замѣнили ихъ собою, когда власть и права тѣхъ и другихъ слились въ одномъ лицѣ, то естественно, что въ новомъ управленіи стали обнаруживаться слѣды прежняго, и именно не по причинѣ лишь случайнаго отклоненія воеводъ отъ своего назначенія или однихъ злоупотребленій, а вслѣдствіе всесильнаго вліянія современной жизни, которою еще двигало старое начало, ибо и высшее правительство дѣйствовало во многихъ случаяхъ на прежнихъ основаніяхъ. Впрочемъ, эту самую мысль высказываетъ впослѣдствіи и Г. Дмитріевъ (стр. 79 и слѣд.); и потому вышеприведенныя слова его должно приписать только обмолвкѣ или неточности выраженія, которая, однакожъ, не можетъ быть оставлена безъ вниманія въ такомъ образцовомъ трудѣ, какъ его книга.

Къ привилегированнымъ лицамъ авторъ относитъ: 1) духовенство; 2) архіерейскихъ и монастырскихъ слугъ и крестьянъ; 3) крестьянъ прочихъ вѣдомствъ по исключенію, въ томъ числѣ вотчинныхъ и помѣщичьихъ; 4) гостей и гостиную и суконную сотню; 5) иностранныхъ купцовъ и ихъ людей, и иноземцевъ, находившихся въ русской службѣ; 6) русскихъ военныхъ людей; 7) каменщиковъ и кирпичниковъ; 8) откупщиковъ и мытчиковъ. Свѣдѣнія о преимуществахъ всѣхъ этихъ лицъ по суду собраны съ замѣчательною полнотою и подтверждаютъ предложенные выше выводы относительно основанія привилегій, которыми они пользовались. Мы можемъ только замѣтить, что едва ли вѣрно причислять крестьянъ, не имѣвшихъ права собственнаго суда, къ привилегированнымъ лицамъ, такъ какъ привилегія на судъ дана была не имъ, а властямъ, у которыхъ они находились въ подчиненіи; для нихъ же это было подсудностью, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже болѣе тяжелою, чѣмъ подсудность мѣстному начальству.

Говоря о Приказахъ, авторъ разсматриваетъ ихъ происхождение, значеніе, внутреннее устройство, раздѣленіе ихъ на придворные, мѣстные (московскіе) и центральные, предметы ихъ вѣдомства и способъ производства и рѣшенія въ нихъ дѣлъ. При этомъ вниманіе его останавливается на вопросахъ: которые изъ Приказовъ были судебными мѣстами, и какими были они учрежденіями, коллегіальными или бюрократическими? На первый вопросъ онъ отвѣчаетъ, что почти всякій Приказъ имѣлъ свою долю судебной власти, ибо, во-первыхъ, къ каждому почти изъ нихъ были приписаны города, изъ коихъ о нѣкоторыхъ извѣстно, что они находились у своего Приказа въ судебной зависимости; во-вторыхъ, каждый Приказъ судилъ тѣхъ людей, которые были ему подчинены по роду своихъ занятій; впрочемъ судебная дѣятельность центральной администраціи сосредоточивалась въ Приказахъ областныхъ, сословныхъ, судныхъ, Помѣстномъ, Холопьемъ и Разбойномъ. Второй вопросъ разрѣшается тѣмъ, что древнѣйшія извѣстія о Приказахъ представляютъ ихъ намъ какъ бюрократическія учрежденія, изъ чего слѣдуетъ заключить, что установленіе въ нихъ коллегіальнаго устройства было мало по малу вынуждено обстоятельствами. Этимъ объясняется, по мнѣнію автора, то, что и въ послѣдствіи личный характеръ Приказовъ не изгладился совершенно, и безпрестанно проглядываетъ во взаимныхъ отношеніяхъ присутствующихъ. Приводимыя имъ данныя дѣйствительно подтверждаютъ вполне эту мысль, равно какъ и то заключеніе, что въ Приказахъ нельзя признавать рѣшительно ни коллегіальнаго, ни бюрократическаго начала, и что достаточно было самага несущественнаго обстоятельства, въ родѣ установленія взаимныхъ отношеній между нѣкоторыми учрежденіями, чтобъ совершенно измѣнить составъ судебного мѣста.

Изъ прочихъ органовъ суда, разсмотрѣнныхъ въ 1-й главѣ, мы укажемъ только на третейскихъ судей, потому что не сомнѣемъ согласны съ тѣмъ значеніемъ, которое придаетъ имъ авторъ. Намъ кажется, что ни въ какомъ случаѣ нельзя разу-

мѣть подъ ними лучшихъ людей, присутствовавшихъ на судѣ княжескихъ чиновниковъ, ибо они не были судьями въ собственномъ смыслѣ. Напротивъ, разборъ дѣла третьими исключаетъ, по нашему мнѣнію, участіе въ немъ лица отъ правительства, что подтверждаетъ указываемый самимъ Г. Дмитриевымъ приговоръ (Акт. Юрид., № 67), названный третейскимъ, хотя жалоба была принесена сторонами не самимъ судьямъ, а монастырскимъ прикащикамъ, которые только назначили третьихъ. Несправедливо также считать третейскими судей *вопчихъ* или *смѣстныхъ*: ихъ юрисдикція условливалась началомъ подсудности, слѣдовательно необходимостью, а не полюбовнымъ соглашеніемъ сторонъ. Такое мнѣніе тѣмъ болѣе неосновательно, что, руководствуясь имъ, авторъ дѣлаетъ заключеніе, будто бы въ древней Россіи при третейскомъ разборѣ всегда было двое посредниковъ, и кромѣ обращенія къ другому третейскому судѣ, не было никакого средства примирить два противоположныхъ мнѣнія (стр. 135). Въ опроверженіе такого вывода довольно указать на договоры между князьями удѣльнаго періода, гдѣ избраннымъ ими третьимъ является митрополитъ, и на акты XV и XVI вѣковъ, гдѣ третьимъ называется одно лицо въ противоположность судей общихъ; въ записяхъ же XVII столѣтія встрѣчаются примѣры избранія въ третейскіе судьи какъ одного лица, такъ и двухъ, по одному съ каждой стороны. Основываясь на этихъ данныхъ, мы можемъ напротивъ вывести заключеніе, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣла были рѣшаемы двумя судьями не по взаимному согласію сторонъ, эти судьи, хотя бы они назывались третьими, въ сущности были или *общіе*, или *данные* отъ правительства.

Приступая къ разсмотрѣнію втораго предмета судоустройства — подсудности и инстанцій, авторъ предпосылаетъ общее замѣчаніе, основанное на приведенномъ уже мнѣніи его, что между кормленщиками не было различія относительно представленія имъ правъ по суду, и дѣлаетъ отсюда выводъ, что каждый областной судья, былъ ли онъ намѣстникъ или воло-

стель, или даже тунъ, если только не получилъ должности отъ самаго кормленщика, составлялъ первую инстанцію. Согласно съ этимъ объясняетъ онъ и то различіе, что одни изъ намѣстниковъ и волостелей имѣли судъ съ *правдой*, а другіе—*безъ правды*. «Кажется, говоритъ Г. Дмитріевъ, это значитъ съ *судомъ уголовнымъ* и *безъ уголовного суда*.» Отсюда же заключаетъ онъ, что каждый сомнѣвающійся судья могъ сначала обращаться съ докладомъ къ тому или другому лицу совершенно произвольно; но какъ одному кормленщику было бы излишне просить совѣта у другаго, ибо онъ столь же мало зналъ обычаи, то ревизионную инстанцію при намѣстникахъ составлялъ всегда самъ государь. Однако и въ управленіи XVII вѣка авторъ не допускаетъ до самаго Уложенія подчиненности между воеводами въ отношеніи къ суду на томъ основаніи, что взаимная зависимость въ областяхъ еще не успѣла въ это время опредѣлиться. Что касается до Москвы, то здѣсь были двѣ инстанціи: первую составляли бояре, а потомъ Приказы, вторую — государь; но какъ до установленія Приказовъ бояре не рѣшали никакихъ дѣлъ безъ доклада государю, то сначала для областныхъ жителей была въ Москвѣ собственно только одна инстанція, въ XVII же вѣкѣ число апелляціонныхъ учрежденій для нихъ увеличилось: на областного начальника можно было жаловаться Приказу и потомъ самому государю. Впрочемъ были и такія дѣла, которыя начинались прямо во второй инстанціи, именно: дѣла между жителями двухъ разныхъ областей, и вообще такія, по которымъ было затруднительно сѣзжаться судьямъ обѣихъ тяжущихся сторонъ. Но въ XVII столѣтіи, по введеніи болѣе однородныхъ началъ подсудности, этотъ законъ не имѣлъ уже, по видимому, никакого дѣйствія. Областные жители, даже и иногородные, судились воеводами, кромѣ тѣхъ изъ нихъ, которые были избавлены отъ областной зависимости жалованными грамотами. За то изъ суда воеводъ малыхъ городовъ были исключены дѣла помѣстныхъ, вотчинныхъ и холопыи, а также дѣла, превышавшія извѣстную сумму, предѣлами которой была ограничена областная юрисдикція (стр. 152 — 157).

Въ разборѣ сочиненія Г. Чичерина: «Областные учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ» мы уже имѣли случай высказать наше мнѣніе относительно вопроса: могла-ли быть какая-нибудь зависимость между различными органами суда до установленія Приказовъ. Настоящее сочиненіе даетъ намъ поводъ дополнить и развить это мнѣніе отчасти указаніями, приводимыми самимъ Г. Дмитріевымъ, а отчасти возраженіями на его предположенія. Во-первыхъ, соглашаясь съ нимъ въполнѣ, что въ нашихъ древнихъ судныхъ и правыхъ грамотахъ судъ является раздвоеннымъ на двѣ части, напоминающія собою римскія *jus et judicium*, именно на разсмотрѣніе дѣла, или судъ въ обширномъ смыслѣ, и на *вершеніе* или приговоръ, мы видимъ, однако, первое не только въ большемъ или меньшемъ участіи судныхъ мужей или лучшихъ людей въ разборѣ дѣла, а во всемъ его производствѣ, составляющемъ первую половину правыхъ грамотъ или такъ называемый въ нихъ *докладной списокъ*. Слѣдующая за симъ часть судной грамоты заключаетъ въ себѣ рѣшеніе, произносимое нерѣдко другимъ лицомъ, *старѣйшимъ человекомъ* или верховнымъ судьей, котораго приговоръ первый судья приводитъ только въ исполненіе. Такое раздвоеніе суда указываетъ, по нашему мнѣнію, очень ясно на то, что докладъ, хотя и не въ смыслѣ апелляціи, не всегда зависѣлъ отъ произвола судьи, а напротивъ, большею частію долженъ былъ условливаться его положеніемъ. Въ этомъ отношеніи кажется, что выраженіе *судъ съ правдой* можетъ дать нѣкоторое разъясненіе. Нѣтъ сомнѣнія, что оно не означаетъ суда уголовного въ противоположность гражданскому, ибо самое понятіе о дѣлахъ уголовныхъ до XVI вѣка сливалось съ нѣкоторыми преступленіями, которыя дѣйствительно были иногда отдѣляемы отъ дѣлъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ предметовъ гражданского права и суда, но обыкновенно отдѣлялись не все вмѣстѣ, а по частямъ, такъ что, давая судъ съ правдой въ смыслѣ суда по дѣламъ уголовнымъ, законодатель долженъ былъ бы тотчасъ же дополнить, какія именно дѣла онъ подъ этимъ разумѣетъ; при томъ до отдѣленія

татебныхъ и разбойныхъ дѣлъ въ особое вѣдомство при Грозномъ, вмѣстѣ съ ними намѣстникамъ поручались обыкновенно и дѣла гражданскія. Следовательно «правда» не можетъ значить что-либо другое какъ судъ, почему самому напр. Русская Правда называется одинаково и Правдою и Судомъ Ярославовымъ. Напротивъ, съ болѣею основательностью можно, кажется, предположить, что «правдою» называлась въ тѣсномъ смыслѣ та часть суда, которая и есть собственно цѣль его, т. е. вершеніе или рѣшеніе дѣла. При такомъ предположеніи намъ становится яснымъ и смыслъ раздвоенія суда въ правыхъ грамотахъ, и причина, почему производство дѣла докладывается старѣйшему человѣку безъ предварительнаго рѣшенія низшаго судьи и безъ всякой на него жалобы, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло не представляется, по-видимому, вовсе затруднительнымъ къ рѣшенію. Съ одной стороны докладъ дѣлается тіуномъ или доводчикомъ ихъ *господину*, т. е. тому кормленщику, которымъ порученъ имъ судъ, но безъ права окончательнаго вершенія дѣла, принадлежавшаго только намѣстникамъ и волостелямъ. Съ другой стороны докладъ дѣлается человѣку старѣйшему или самому государю и тѣмъ, кому *дана правда* — обычное выраженіе древнихъ памятниковъ, когда рѣчь идетъ о предоставленіи суда кормленщику самою верховною властью, но онъ почему-либо затрудняется произнести самъ окончательное рѣшеніе, или считаетъ дѣло особенно важнымъ. Встрѣчаются и такія правыя грамоты, гдѣ разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣла принадлежатъ одному лицу; очевидно, что въ этихъ случаяхъ судья пользовался предоставленнымъ ему правомъ произносить приговоръ безъ доклада высшему лицу. Если всѣ эти данныя привести въ связь съ тѣми мѣстами въ актахъ, изъ коихъ видно, что иногда волостели и намѣстники находились *подъ* другими кормленщиками, и съ тѣми, гдѣ говорится, что судъ дается имъ *безъ правды*, то нельзя затрудняться признать, что между самими кормленщиками, поставленными верховною властью, могла быть подчиненность однихъ другимъ и по суду. Трудно только рѣшить, указываютъ

ли эти выраженія и на возможность апелляціи къ послѣднимъ на первыхъ. Мы не знаемъ ни одного акта, въ которомъ бы дѣло было пересмотрѣно по жалобѣ на рѣшеніе низшаго судьи; даже дошедшія до насъ дѣла съ приговорами самихъ великихъ князей рѣшены ими *по докладу*, а не по жалобѣ на судъ кормленщика. Отсюда слѣдуетъ, кажется, заключить, что *докладъ* не всегда служить указаніемъ на апелляцію. Впрочемъ о послѣднемъ въ собственномъ смыслѣ мы ничего не можемъ сказать, и должны довольствоваться предположеніемъ Г. Дмитріева; на счетъ же перваго думаемъ, что обыкновенно докладчики знали кому должны были представлять собранныя ими данныя по дѣлу для окончательнаго его рѣшенія. Но какъ болѣею частію намѣстники и волостели пользовались судомъ *съ правдой* и были самостоятельны, то естественно, что во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ они представляли свои доклады прямо въ Москву на обсужденіе великому князю или человѣку старѣйшему, для того назначенному. Вотъ почему есть примѣры, что судъ, произведенный даже тиуномъ или доводчикомъ, докладывался не тому намѣстнику, отъ котораго эти лица были поставлены, а Московскому боярину. Но есть примѣры, доказывающіе и то, что сами намѣстники посылали доклады другимъ, отъ которыхъ находились въ зависимости. Одинъ изъ такихъ примѣровъ приводитъ самъ Г. Дмитріевъ, и намъ кажется, что онъ очень важенъ, ибо свидѣтельствуетъ, вопреки ему, о томъ, что намѣстникъ пригорода, каковъ именно былъ Иванъгородъ въ отношеніи къ Новгороду, находился въ судебномъ подчиненіи у намѣстника этого послѣдняго; а отсюда мы заключаемъ, что и вопросъ о томъ, дѣйствительно ли пригороды и въ воеводское управленіе не зависѣли по суду отъ главныхъ городовъ, еще далеко нельзя считать окончательно рѣшеннымъ.

1-ю главу своей книги Г. Дмитріевъ заключаетъ указаніемъ на различныя основанія подсудности въ періодъ отъ половины XVI до половины XVII вѣка. Древнѣйшимъ изъ нихъ было *мѣсто жительства*, но полное приложеніе это основаніе полу-

чило уже въ эпоху воеводскаго управленія. Между тѣмъ какъ въ XVI вѣкѣ, подсудность по жительству совпадала съ платежемъ тягла отъ житія на черной землѣ, слѣдовательно съ зависимостью финансовой, въ это время основаніемъ ея было просто возникновеніе дѣла въ предѣлахъ того округа, коимъ управлялъ воевода, гдѣ было ему ввѣрено наблюденіе за порядкомъ. Поэтому даже пріѣзжіе люди подлежали его суду, какъ скоро не были отъ этого избавлены жалованными грамотами. Другія основанія подсудности — судебныя привилегіи, занятія или начало сословное, мѣсто совершенія преступленія и родъ дѣла, авторъ не развиваетъ подробно, какъ кажется, на томъ основаніи, что въ рассматриваемый періодъ всѣ они, за исключеніемъ перваго, не сознавались ясно самимъ правительствомъ, что доказываютъ и любопытные примѣры нарушенія того или другаго основанія.

Предложенныя изслѣдованія о судоустройствѣ до Уложенія и относящіяся къ нему выводы составляютъ введеніе въ болѣе обширный и притомъ существенный трудъ по этой части. Дѣйствительно, новыи характеръ, приданный областному управленію замѣненіемъ намѣстниковъ воеводами, начинающееся раздѣленіе городовъ на главные и приписные, которое указываетъ на новое начало подчиненности, развѣтвленіе центральныхъ учрежденій на отдѣльныя вѣдомства, порученныя отдѣльнымъ Приказамъ, наконецъ болѣе или менѣе твердое сознаніе, проявляющееся и въ дѣйствіяхъ правительства, и въ письменныхъ памяtnикахъ о настоящей цѣли, къ которой оно должно стремиться — о благѣ народномъ, все это вмѣстѣ заставляеть изслѣдователя смотрѣть и на судебныя мѣста этого времени какъ на установленія государственныя и искать въ нихъ черты по преимуществу юридическія, хотя бы и прикрытыя формами прежняго патріархальнаго быта. Съ появленіемъ Петра Великаго, государственное начало получаетъ на нашей почвѣ еще болѣе полное развитіе, и если съ тѣхъ поръ встрѣчаются отъ него случайныя уклоненія въ законодательствѣ и практикѣ, то они безсильны измѣнить

цѣлую систему отношеній, сложившихся подъ его вліяніемъ и уже упроченныхъ. Это новое начало, преобладающее также въ судоустройствѣ Россіи со времени Уложенія, даетъ право и намъ отдѣлить въ нашей рецензіи разсмотрѣніе относящихся сюда выводовъ автора отъ разбора 1-й главы его книги, тѣмъ болѣе что оно будетъ имѣть въ виду не только вообще юридическую, но и практическую сторону изслѣдованія, и потому не заставитъ насъ возвращаться къ обсужденнымъ уже предметамъ, представляющимъ интересъ археологическій. И такъ постараемся соединить здѣсь результаты, полученные Г. Дмитріевымъ изъ собранныхъ имъ данныхъ о судебныхъ установленіяхъ со второй половины XVII вѣка до Учрежденія о Губерніяхъ и о началахъ подсудности и аппелляціи, которыя легли въ основаніе правилъ, принятыхъ въ дѣйствующемъ нынѣ законодательствѣ. Начнемъ съ областнаго управленія.

Въ XVII вѣкѣ власть воеводы усиливается съ одной стороны разширеніемъ предѣловъ его вѣдомства, а съ другой — подчиненіемъ ему болѣе части областныхъ мѣстъ и лицъ. Приписные города съ ихъ уѣздами начинаютъ зависѣть отъ воеводы главнаго города и по такимъ дѣламъ, по которымъ они были прежде самостоятельны, такъ что въ одномъ указѣ 1692 г. воеводѣ дается даже право завѣдывать уголовными дѣлами въ приписныхъ городахъ, поручая эти дѣла дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, назначаемымъ по его усмотрѣнію (стр. 320). Усиленіе воеводской власти выражается и въ подчиненности ему привилегированныхъ классовъ, хотя еще это и не постановлено въ законѣ какъ правило: такъ стрѣлецкіе головы, земскіе судейки и помѣщики въ дѣлахъ между собою болѣею частію уже состояли теперь въ судебной зависимости отъ воеводъ. Поэтому весьма справедливо замѣчаетъ Г. Дмитріевъ, что все это было шагомъ къ болѣе правильному порядку. Но лишь раздѣленіемъ Россіи на губерніи этотъ порядокъ установленъ на прочномъ основаніи. Назначеніемъ опредѣленныхъ округовъ управленія и однообразныхъ учрежденій, независимо отъ значе-

нія лицъ, которымъ поручалось начальство, введено было единство и въ областное судоустройство. Сначала губернаторы, а впоследствии Судебныя Палаты стали составлять высшую инстанцію, отъ которой поставлены были въ зависимость нисшіе суды отдѣльныхъ сословій. Такимъ образомъ сдѣлалось возможнымъ введеніе постепенности въ аппелляціяхъ, правильнаго порядка инстанцій. Съ Учрежденія о Губерніяхъ всякое дѣло начинается проходить чрезъ одинаковыя степени суда. Съ того же времени установлено отношеніе губернатора къ мѣстамъ судебнымъ: образованному вновь, подъ его предсѣдательствомъ, Губернскому Правленію поручено было производство безспорныхъ дѣлъ и надзоръ за отправленіемъ правосудія въ нисшихъ судахъ. Какъ высшее въ губерніи распорядительное мѣсто, оно должно было зависѣть отъ одного Сената, но собственно судебное производство дѣлъ стало переходить въ Сенатъ непосредственно изъ Судебныхъ Палатъ. Этимъ самымъ положено твердое начало къ разграниченію въ губернскомъ управленіи административной части отъ судебной.

Въ составѣ судебныхъ мѣстъ коллегіальное начало беретъ мало по малу перевѣсъ надъ преобладающимъ отношеніемъ, въ какомъ находились въ эпоху Уложенія воеводы къ своимъ товарищамъ. Уже въ указѣ 10 марта 1702 г. заявлена была, хотя и смутно, мысль о вершеніи ими дѣлъ сообща. Въ 1713 г., при учрежденіи ландратовъ постановлено, чтобы всѣ дѣла рѣшались по большинству голосовъ. Губернаторъ имѣлъ при этомъ два голоса; но чтобы устранить его вліяніе на ландратовъ, они были изъяты изъ его вѣдомства какъ лично, такъ и по имуществу, и объ ихъ преступленіяхъ велѣно доносить въ Сенатъ. Въ Учрежденіи о Губерніяхъ коллегіальное начало положено въ основу разсмотрѣнія судебныхъ дѣлъ въ отличіе отъ административныхъ. Рѣшеніе должно составляться большинствомъ голосовъ, но при равенствѣ ихъ получаетъ перевѣсъ та сторона, на которой голосъ предсѣдателя. Мнѣнія отбираются начиная съ младшаго.

Предметы судебного вѣдомства разграничиваются, со времени Уложенія, на основаніи двухъ началъ: съ одной стороны духовенство стѣсняется постепенно въ своемъ правѣ суда по дѣламъ свѣтскимъ, что выражается въ подчиненіи принадлежавшихъ ему вотчинъ сначала Монастырскому Приказу, а потомъ Синоду и Коллегіи Экономін; съ республикованіемъ же для монастырей и церквей (въ 1764 году) штатовъ, церковныя имущества окончательно подчиняются свѣтскому вѣдомству; такимъ образомъ за духовенствомъ оставлена одна юрисдикція по дѣламъ духовнымъ относительно всѣхъ подданныхъ государства. Съ другой стороны, дѣла уголовныя отдѣляются отъ гражданскихъ вслѣдствіе установившагося въ правительствѣ сознанія, что они должны подлежать его непосредственному завѣдыванію во имя нарушаемаго ими общественнаго блага, независимо отъ ущерба, нанесеннаго частнымъ лицамъ тѣмъ или другимъ преступнымъ дѣйствіемъ. Тѣмъ не менѣе весьма медленно выработывалось въ законодательствѣ ясное различіе между формами процесса уголовного и гражданского. Это и было причиною, что долгое время тѣ и другія дѣла завѣдывались безразлично одними и тѣми же судебными учрежденіями, такъ что на подчиненіе уголовныхъ дѣлъ въ XVII вѣкѣ судьямъ, не состоявшимъ въ зависимости воеводъ, должно скорѣе смотрѣть какъ на остатокъ губнаго управленія, установленнаго Грознымъ подъ вліяніемъ особыхъ временныхъ и мѣстныхъ обстоятельствъ. Впрочемъ, на основаніи наказа 1728 г. преступленія, подлежащія смертной казни или ссылкѣ на галеры, должны были переходить сами собою на ревизію губернатора, между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ воеводскій судъ признается окончательнымъ. Наконецъ въ Учрежденіи о Губерніяхъ разграниченіе дѣлъ уголовныхъ отъ гражданскихъ приведено въ исполненіе установленіемъ для первыхъ Палаты уголовного, а для вторыхъ — Палаты гражданского суда.

Особенные суды, которые въ древней Россіи получили такое обширное развитіе, не были совершенно уничтожены, но при-

ведены въ порядокъ. Со второй половины XVII вѣка мы видимъ въ нихъ преобладаніе начала сословнаго, съ принятіемъ, впрочемъ, скорѣ широкихъ и постоянныхъ основаній для раздѣленія жителей государства на классы. Къ нимъ отнесены: духовенство, купцы и посадскіе люди, крестьяне разныхъ наименованій, съ причисленіемъ сюда и «служилыхъ прежнихъ служебъ людей» подъ названіемъ однодворцевъ; за симъ естественно отдѣлилось въ особое сословіе дворянство, какъ сословіе собственно служащее и потому признанное высшимъ. Это различіе классовъ выразилось въ установленіи особыхъ для каждаго изъ нихъ судебныхъ мѣстъ или же отдѣленій въ общихъ учрежденіяхъ. Скажемъ о каждомъ изъ нихъ нѣсколько словъ.

Г. Дмитріевъ указываетъ только мимоходомъ на духовныя дѣла, подлежащія суду епископовъ, но исчисляетъ законы, коими утверждена неподсудность духовныхъ лицъ свѣтскому начальству. Въ 1721 г. Синодъ въ докладѣ государю изъяснялъ, что до сихъ поръ духовныя персоны браны были въ разныя канцеляріи и Приказы, а отнынѣ, по учрежденіи особаго церковнаго вѣдомства, слѣдствіе по оговорамъ должно быть производимо въ немъ, пока дѣло не дойдетъ до розыска. Въ 1744 г. Сенатъ запретилъ губернаторамъ и воеводамъ, въ противность этому указу, привлекать къ себѣ на судъ «духовныя персоны и чинить имъ смертельныя и ругательныя побои.» Тогда же было постановлено, чтобы по уголовнымъ дѣламъ, въ которыхъ замѣшаны члены духовенства, находились депутаты отъ ихъ начальства, но безъ права участія въ судѣ. При Императрицѣ Екатеринѣ II этотъ законъ былъ нѣсколько разъ подтвержденъ. Что касается до инстанцій духовнаго суда, то до 1744 г. встрѣчаются различныя учрежденія, состоявшія подъ вѣдомствомъ архіереевъ; въ этомъ же году архіерейскимъ домамъ велѣно называться консисторіями.

Поводомъ къ отдѣленію купцовъ и посадскихъ людей въ особое сословіе и къ установленію для нихъ своихъ судовъ были

недостатки стариннаго ихъ управленія, заключавшіеся въ томъ, что при особомъ вѣдомствѣ посадскіе люди зависѣли однако и отъ мѣстной власти, а потому распоряжались самостоятельно только раскладкой податей; съ другой стороны, высшіе члены сословія, гости и гостинныя сотни имѣли такія привилегіи, которыхъ у посадскихъ людей вовсе не было. Чтобы дать всему сословію самостоятельное управленіе, Петръ Великій учредилъ (въ 1699 г.) по городамъ бурмистровъ съ правомъ суда. Нѣсколько позже бурмистры раздѣлены на два класса, изъ коихъ одни, находившіеся въ меньшихъ или приписныхъ городахъ къ большимъ, должны были состоять въ зависимости отъ бурмистровъ этихъ послѣднихъ, а они, въ свою очередь, подчинены московской бурмистерской палатѣ. Указомъ 17 ноября 1699 г. эта палата переименована въ ратушу. Но въ 1720 г. все управленіе преобразовано: учреждены магистраты подъ вѣденіемъ оберъ-президента и главнаго магистрата въ С.-Петербургѣ, закрытаго, впрочемъ, въ 1727 г. Въ 1728 г. магистраты были вездѣ замѣнены ратушами и подчинены воеводамъ, а въ 1743 опять возстановлены. Въ Учрежденіи о Губерніяхъ для управленія торговымъ сословіемъ въ городахъ полагаются магистраты, а въ посадахъ ратуши. Магистраты должны состоять изъ двухъ бургомистровъ и четырехъ ратмановъ, избираемыхъ чрезъ каждые три года купечествомъ и мѣщанствомъ по балотировкѣ. Вторую инстанцію составляютъ губернскіе магистраты, въ которыхъ полагается два предсѣдателя и шесть засѣдателей, первые по опредѣленію отъ Сената, а вторые по балотировкѣ; они раздѣляются на два департамента, уголовный и гражданскій, но аппелляція на губернской магистратѣ поступаетъ въ судебную палату по принадлежности.

Крестьяне имѣли разнообразное управленіе, смотря по историческому происхожденію тѣхъ разрядовъ, на которые они раздѣлялись. За исключеніемъ, впрочемъ, крестьянъ дворцоваго и конюшеннаго вѣдомствъ, они находились подъ аппелляціей и сильнымъ вліяніемъ воеводъ и губернаторовъ. По Учрежденію

о Губерніяхъ однопворцы и государственные крестьяне разнаго наименованія вѣдаются судомъ въ нижней и верхней расправахъ, изъ коихъ первая, состоящая изъ расправнаго судьи, назначаемаго намѣстническимъ правленіемъ, и восьми засѣдателей, по выбору крестьянъ, полагается въ уѣздныхъ городахъ; а вторая, состоящая изъ двухъ предсѣдателей отъ короны и десяти засѣдателей, по выбору крестьянъ, въ городахъ губернскихъ. Отсюда видно, что судебныя мѣста, завѣдывавшія крестьянами по Учрежденію о Губерніяхъ, не удержались въ позднѣйшее время.

За исключеніемъ исчисленныхъ вѣдомствъ, для всѣхъ прочихъ дѣлъ установились мало по малу опредѣленные судебныя инстанціи, изъ коихъ высшимъ подлежали и дѣла отдѣльныхъ сословій, кромѣ духовенства и дѣла собственно духовныхъ. Но за обиліемъ привилегированныхъ вѣдомствъ въ XVII вѣкѣ, общія судебныя мѣста казались тогда скорѣе изъятіемъ изъ общаго правила, такъ что только съ учрежденія губернаторовъ и ландратовъ они заняли первенствующее мѣсто между областными установленіями. Ландраты составляли коллегію, подъ вѣдомствомъ которой находились ландрихтеры, по одному въ каждой провинціи. Но ландрихтеры не были постоянными судьями въ своемъ округѣ: они посылались сюда губернаторами временно для розыска и межеванія, когда возникало спорное дѣло о землѣ. О времени уничтоженія этой должности неизвѣстно; Г. Дмитріевъ полагаетъ, что она упразднена послѣ учрежденія надворныхъ судовъ. Эти суды были открыты въ 1719 году, но получили полное устройство лишь въ 1720, съ подчиненіемъ имъ двухъ учрежденныхъ вновь мѣстъ для суда въ провинціяхъ и городахъ. Такимъ образомъ областные суды раздѣлены на три инстанціи: высшую составлялъ надворный судъ, среднюю—провинціальный, а послѣднюю—нижній городской. Въ царствованіе Екатерины I надворные суды уничтожены и судъ во всякихъ дѣлахъ переданъ губернаторамъ, которые стали завѣдывать имъ вмѣстѣ съ своими канцеляріями, хотя отношенія ихъ къ

этимъ послѣднимъ были чисто бюрократическія. Вторыя и третьи административныя инстанціи, завѣдывавшія, впрочемъ, и судебными дѣлами, составляли провинціальныя и городовыя воеводы; но провинціальному воеводѣ можно было жаловаться только на медленность городского суда, въ томъ случаѣ, когда уѣздный городъ былъ далеко отъ губернскаго; вообще же городовыя воеводы, по суду, были въ зависимости отъ однихъ губернаторовъ, почему аппелляція изъ города въ провинцію была воспрещена (стр. 403). Императрица Екатерина II, вмѣстѣ съ отдѣленіемъ административнаго вѣдомства отъ судебного, возстановила и областныя судебныя мѣста отдѣльно отъ губернаторской власти. На основаніи Учрежденія о Губерніяхъ судъ принадлежитъ въ первой степени уѣздному суду, который состоитъ изъ уѣзднаго судьи и двухъ засѣдателей отъ дворянъ, избираемыхъ на три года. Вѣдомству его подлежатъ какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла. Вторую судебную инстанцію составляетъ верхній земскій судъ, который раздѣляется на два департамента: уголовный и гражданскій. Впрочемъ въ системѣ судостроительства это мѣсто имѣло временное значеніе, бывъ вскорѣ замѣнено Судебными Палатами, которыя, пока существовали верхніе земскіе суды, составляли, въ отношеніи къ нимъ, высшую инстанцію. Что касается до Палатъ, то въ каждой изъ нихъ полагается предсѣдатель, два совѣтника и два ассессора, избираемые Сенатомъ, притомъ первый утверждается верховною властью. Екатериною II были возстановлены и надворные суды, но уже съ новымъ значеніемъ: они учреждены въ столицахъ для служащаго и живущаго тамъ дворянства, а также для разночинцевъ, не имѣвшихъ никакой собственности, по которой они были бы подсудны какому-нибудь мѣсту. Кромѣ того важнымъ нововведеніемъ было учрежденіе совѣстныхъ судовъ, долженствовавшихъ судить на основаніи не однихъ законовъ, но также естественной справедливости. По Учрежденію о Губерніяхъ, совѣстный судъ составляется изъ судьи и шести засѣдателей, по два отъ каждого сословія, дворянскаго,

городскаго и сельскаго; но засѣдатели послѣднихъ двухъ сословій не принимали участія въ рѣшенія тѣхъ дѣлъ, въ которыхъ замѣшаны одни дворяне.

«Преобразованія въ центральномъ судоустройствѣ, говоритъ Г. Дмитріевъ, начались позже другихъ и состояли въ полномъ приложеніи тѣхъ началъ, которыя отчасти сознавались и прежде. Администрація XVII вѣка колебалась между личнымъ началомъ и коллегіальнымъ, и первой мѣрой Петра Великаго было учрежденіе коллегій. Въ нихъ, по словамъ его, «президенты или предсѣдатели не такую мочь имѣютъ, какъ старые судьи: дѣлали что хотѣли». Но это не было единственною его цѣлью. Въ Приказахъ мѣстное значеніе соединялось съ центральнымъ. Петръ отдѣлилъ одно отъ другаго. Наконецъ, вслѣдствіе различной цѣли при учрежденіи Приказовъ было много разнообразія въ имъ зависимости: одни изъ нихъ были совершенно самостоятельны, другіе подчинены высшимъ; Петръ Великій ввелъ однообразную систему» (стр. 493 — 494).

Всѣхъ коллегій учреждено было въ разное время десять. На раздѣленіе между ними занятій имѣло вліяніе не только различіе въ отрасляхъ управленія, по отчасти и сословное начало, и кромѣ того завѣдываніе доходами и расходами государства. Присутствіе каждой изъ нихъ состояло изъ президента, вице-президента, совѣтниковъ и ассессоровъ, выбираемыхъ Сенатомъ. Для писмоводства при коллегіяхъ состояли канцеляріи изъ секретарей и другихъ чиновниковъ. Судебныя дѣла сосредоточивались собственно въ трехъ: юстицъ, вотчинной и коммерцъ-коллегіяхъ, хотя по временамъ и другія, въ видѣ исключенія, завѣдывали нѣкоторыми судными дѣлами. Особенно важное значеніе имѣла юстицъ-коллегія, съ конторою, находившеюся въ Москвѣ. Въ 1762 г. она была раздѣлена на три департамента, между коими дѣла распредѣлялись президентами. Вотчинная коллегія состояла при Екатеринѣ II изъ четырехъ департаментовъ. Это раздѣленіе сохранилось до Учрежденія о Губерніяхъ, когда большая часть коллегій, въ томъ числѣ юстицъ-коллегія

и вотчинная уничтожены, съ передачею ихъ дѣлъ въ вѣдомство Сената.

Высшимъ центральнымъ учрежденіемъ была въ XVII вѣкѣ Боярская Дума. Сюда, кромѣ апелляціонныхъ дѣлъ, поступали изъ Приказовъ и случаи, возбуждавшіе новыя законы. Петръ Великій измѣнилъ составъ Думы, отдѣливъ отъ нея расправную палату, какъ верховное судебное мѣсто. Къ сожалѣнію, отношеніе ея, какъ и самой Думы, къ учрежденному за тѣмъ въ скоромъ времени Сенату не выяснено Г. Дмитріевымъ. Изъ состава и вѣдомства Сената въ самомъ началѣ его видно, что онъ долженъ былъ замѣнить и ту и другую. Авторъ не опредѣляетъ также, въ какомъ объемѣ вѣдались въ Сенатѣ судебныя дѣла, замѣчая только, что съ 1718 по 1720 годъ онъ не составлялъ прямой судебной инстанціи, въ которую бы дѣла непременно поступали по всякой апелляціи на коллегіи. Приговоры требовались единогласные. Изъ учрежденій, находившихся при Сенатѣ, слѣдующія имѣли судебное значеніе: 1) Сенатская контора, существовавшая постоянно въ Москвѣ и временно въ Петербургѣ, когда Сенатъ слѣдовалъ за дворомъ въ Москву. Первоначальная цѣль ея учрежденія заключалась въ неудобствѣ, для отдаленныхъ губерній, обращаться по всѣмъ дѣламъ въ Петербургъ; впрочемъ она никогда не имѣла самостоятельнаго значенія. 2) Временная, съ 1724 г., контора розыскныхъ дѣлъ для уголовныхъ слѣдствій, производившихся въ самомъ Сенатѣ, и «особливая палата для случающихся дѣлъ чрезвычайныхъ». 3) Особенныя, временно назначавшіяся комисіи для окончанія накопившихся въ Сенатѣ перѣшешныхъ дѣлъ. — Послѣ Петра Великаго, съ учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, судебныя права Сената были стѣснены: по всѣмъ важнымъ уголовнымъ дѣламъ приговоры его должны были поступать на утвержденіе Совѣта. Но это продолжалось не долго. Послѣ 1730 г. мы видимъ Сенатъ опять единственною высшею инстанціею по судебнымъ дѣламъ.

Составъ Сената былъ различенъ въ разное время. Первоначаль-

начально онъ былъ образованъ изъ девяти Сенаторовъ, которыми съ 1718 по 1722 годъ были президенты коллегій, и канцеляріи, состоявшей подъ начальствомъ одного оберъ-секретаря. Въ 1730 г. для облегченія занятій Сенатъ раздѣленъ на пять департаментовъ, изъ коихъ дѣла «о юстиціи и челобитчиковы» вѣдались въ четвертомъ. Въ каждомъ департаментѣ было по пяти сенаторовъ; но дѣла рѣшались не иначе какъ въ полномъ собраніи. При Петрѣ III въ Сенатѣ было только три департамента; но Екатерина II, уничтоживъ Сенатскую контору, раздѣлила его въ 1763 г. на шесть департаментовъ, изъ коихъ четыре были въ Петербургѣ, а два въ Москвѣ. Всѣ они, за исключеніемъ перваго, получили значеніе высшей судебной инстанціи. Дѣла рѣшались по большинству голосовъ.

Высшей инстанціей по дѣламъ духовнымъ былъ, со времени Петра Великаго, Святѣйшій Синодъ. Не смотря на важность этого учрежденія, какъ судебного мѣста, авторъ упоминаетъ только объ его составѣ и говоритъ болѣе подробно объ его отношеніяхъ къ церковнымъ имуществамъ. Синодъ состоялъ изъ президента, вице-президента, совѣтниковъ и ассессоровъ, и завѣдывалъ въ высшей инстанціи всѣми церковными дѣлами мірянъ и судебными дѣлами духовенства по апелляціи на епископовъ, а въ первой инстанціи вѣдалъ розыскныя дѣла объ оговорныхъ людяхъ. Въ 1723 г. для розыскныхъ дѣлъ между духовенствомъ и по жалобамъ на него учреждена была особая коллегія подъ апелляціею Синода. Кромѣ того въ Москвѣ была Синодальная контора, завѣдывавшая близкими къ этой столицѣ епархіями.

Наконецъ къ числу высшихъ учреждений принадлежалъ въ XVII вѣкѣ Челобитенный Приказъ, куда поступали просьбы, подававшіяся лично государю, а въ XVIII вѣкѣ должность генералъ-рекетмейстера, который разсматривалъ жалобы на всѣ мѣста, подчиненныя Сенату. Эта послѣдняя должность упразднена уже въ 1815 году.

Въ тѣсной связи съ судоустройствомъ оаходится установленное Петромъ Великимъ начало надзора за дѣйствіями присутственныхъ мѣстъ. Прежде всего подчинена была надзору дѣятельность самихъ Сената и Синода въ лицѣ назначенныхъ для того генераль-прокурора Сената и Оберъ-прокурора Синода. Но еще ранѣе, именно въ 1711 году, учреждены были фискалы, на которыхъ возложенъ тайный надзоръ за правосудіемъ и интересами казны и публичное обвиненіе передъ судомъ несправедливыхъ судей и начальниковъ. Они же были обязаны возбуждать уголовныя дѣла, которыя, не подлежа частному иску, могли оставаться безгласными. Для надзора по духовному вѣдомству учреждены были въ 1720 году инквизиторы. Какъ фискалы, такъ и они, по различію управленія городского и губернскаго, раздѣлялись на простыхъ фискаловъ и инквизиторовъ и на провинціальныхъ; въ главѣ тѣхъ и другихъ былъ начальникъ, называвшійся по дѣламъ свѣтскаго вѣдомства оберъ-фискаломъ, а по духовному вѣдомству — протоинквизиторомъ.

«Учрежденіе фискаловъ, говоритъ Г. Дмитріевъ, удовлетворяло, по-видимому, нѣкоторой потребности общества, потому что Петръ Великій долженъ былъ запретить имъ даже особымъ указомъ вступать въ челобитчиковы дѣла, а просителямъ подтвердить, чтобъ они къ нимъ не обращались. Но введенные для тайнаго надзора за судьями, они, если и содѣйствовали улучшенію административной нравственности, то все-таки не полагали немедленной преграды судейской неправдѣ. Отсюда происходила необходимость въ такихъ лицахъ, которыя бы имѣли право прямого протеста и явнаго надзора. Въ этомъ смыслѣ Петръ Великій пополнялъ свою систему учрежденіемъ прокуроровъ» (стр. 509).

Прокуроры, подъ начальствомъ генераль-прокурора и состоявшаго при немъ оберъ-прокурора, назначены были въ 1722 г. при всѣхъ коллегіяхъ; въ томъ же году они введены въ палатные суды, а впослѣдствіи встрѣчаются и въ другихъ судебныхъ мѣстахъ, и даже при канцеляріяхъ. Обязанность

ихъ заключалась въ наблюдѣніи за исполненіемъ законовъ со стороны присутственныхъ мѣстъ; въ случаѣ нужды они должны были напоминать судьямъ объ ихъ обязанностяхъ и останавливать ихъ несправедливыя распоряженія. Для этого они присутствовали въ засѣданіи тѣхъ мѣстъ, при которыхъ находились.

Екатерина II, уничтоживъ должность фискаловъ, учредила, для облегченія прокуроровъ, должность стряпчихъ, распространивъ вмѣстѣ съ тѣмъ кругъ дѣйствія тѣхъ и другихъ возложеніемъ на нихъ, сверхъ первоначальной обязанности, наблюденіе за порядкомъ и нравственностью въ обществѣ. Стряпчихъ въ Учрежденіи о Губерніяхъ полагается двое, одинъ казенныхъ, другой уголовныхъ дѣлъ; на нихъ, сверхъ общихъ обязанностей, возложено еще вчинаніе исковъ въ интересъ вѣренной имъ части. Въ уѣздѣ полагается уѣздный стряпчій. Главою всѣхъ прокуроровъ и стряпчихъ назначенъ губернскій прокуроръ, подчиненный только генералъ-губернатору и генералъ-прокурору.

Вотъ въ возможно краткомъ, хотя, къ сожалѣнію, сухомъ очеркѣ полный отчетъ о данныхъ, сообщаемыхъ Г. Дмитріевымъ касательно судоустройства въ періодъ отъ Уложенія до Учрежденія о Губерніяхъ. Сравнивая ихъ съ подробными свѣдѣніями, которыми они обставлены, объ управленіи Россіи въ этотъ періодъ, мы не можемъ не замѣтить, что такіе факты, по нашему мнѣнію, недостаточны; но повторяемъ опять, что едва ли слѣдуетъ винить въ томъ автора, зная, какъ мало еще обнародовано источниковъ, относящихся до внутренней, такъ сказать, дѣятельности присутственныхъ мѣстъ, начиная съ Петра Великаго. И такъ остается желать, чтобы этотъ пробѣлъ былъ пополненъ прежде всего собраніемъ матеріаловъ въ родѣ тѣхъ, которые для исторіи древняго Русскаго права издаются Археографической Коммиссіей подъ названіемъ Юридическихъ Актовъ. Но мы были бы несправедливы, если бы, указывая на этотъ недостатокъ въ сочиненіи Г. Дмитріева, не обратили вниманія на тѣ выводы, къ которымъ привели его даже скуд-

ные матеріалы, бывшіе въ его распоряженіи. Они бросаютъ свѣтъ на постепенное развитіе въ русскомъ судоустройствѣ XVIII столѣтія юридическаго начала, и потому представляютъ особенную важность для нашихъ юристовъ, теоретиковъ и практиковъ. Надѣмся, что эти выписки могутъ вмѣстѣ съ тѣмъ служить и указаніемъ на степень критическаго таланта, которымъ обладаетъ Г. Дмитріевъ.

Говоря о переходѣ церковныхъ вотчинъ подъ свѣтское управленіе, авторъ выражается такъ:

«Петръ Великій смотрѣлъ на церковныя имуществы, какъ на имущество всей церкви, въ цѣломъ ея составѣ, не признавая права собственности за отдѣльными церковными общинами. Въ этомъ взглядѣ и состоитъ собственно заслуга Петра Великаго, ибо относительно управленія вотчинами въ его мѣрахъ видно сильное колебаніе. Здѣсь нельзя не замѣтить рѣзкой противоположности съ понятіями древней Россіи. Въ XVII вѣкѣ церковь находилась въ полной силѣ. Цѣлымъ рядомъ историческихъ событій она пріобрѣла огромное вліяніе на государственныя дѣла, и въ лицѣ патріарха Никопа выразила притязаніе на вполнѣ независимое положеніе. Это было, по словамъ Петра, «другое, лучшее государство». Но не смотря на это, она не могла поставить себя независимо отъ свѣтской администраціи въ имущественномъ отношеніи. Сословныя идеи были до такой степени не въ духѣ древняго русскаго общества, что, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, не могло образоваться сословной собственности. Отсюда явленіе особаго рода: богатая, сильная церковь владѣла огромными имуществами не въ качествѣ церкви, а на правѣ частнаго собственника. Никакихъ привилегій, никакого особеннаго управленія не влекла за собою принадлежность вотчины какой-нибудь церковной общинѣ. Всѣ права, вся администрація создались жалованными грамотами—не сословію, а его членамъ. Все это въ одно время составляло и слабую и крѣпкую сторону церкви: слабую, потому что отдѣльные собственники не были нисколько солидарны,

связаны между собою, не подлежали надзору своихъ властей и не пользовались ихъ защитой; крѣпкую, потому что государству всего труднѣе коснуться частной собственности, и этотъ характеръ долженъ былъ спасти церковныя имущества отъ окончательнаго посягательства свѣтской власти. Петръ приложилъ сословныя понятія и къ церкви; но, по его взгляду, сословія имѣли болѣе обязанностей, нежели правъ, должны были служить общимъ цѣлямъ и безусловно подчиняться диктатурѣ государства» (стр. 477 — 478).

Указывая на судебныя инстанціи, учрежденныя Петромъ Великимъ и Екатериною II, Г. Дмитріевъ приводитъ ихъ въ параллель съ значеніемъ инстанцій древней Россіи и дѣлаетъ слѣдующіе выводы:

«Изъ тѣхъ перемѣнъ, которыя происходили въ судоустройствѣ въ періодъ отъ Петра до Екатерины II, уже видно, что совершенно правильнаго порядка инстанцій еще не было. Тѣмъ не менѣе, сравнительно съ древнимъ періодомъ, понятія объ инстанціяхъ сдѣлались опредѣленнѣе. Мы видѣли, что въ XVII вѣкѣ было этому два препятствія. Не было никакого однообразія въ административномъ раздѣленіи Россіи, и самыя законы объ апелляціи имѣли цѣлю только облегчить судебныя обязанности верховной власти. Петръ Великій далъ болѣшую правильность территоріальному раздѣленію. Въ основаніе инстанцій были положены три степени управленія: центральное, областное и мѣстное. Порядокъ восхожденія дѣлъ былъ опредѣленъ съ точностію. Въ древней Россіи всегда можно было обращаться къ Приказамъ мимо воеводъ. Петръ Великій вообще запретилъ обходить инстанціи. Послѣ каждаго изъ своихъ преобразованій онъ строго опредѣлялъ, въ какомъ порядкѣ просители должны обращаться къ судьямъ.... Но мѣры его долгое время встрѣчали сильное препятствіе въ понятіяхъ тогдашняго общества. Не смотря на то, что Сенатъ всякій разъ публиковалъ указы во всенародное извѣстіе, не смотря на жестокія наказанія, челобитчики не переставали, въ надеждѣ на скорѣйшую расправу,

обходить, какъ въ старину, низшія инстанціи и даже прямо обращаться къ государю.... Возвращеніе послѣ Петра Великаго къ формамъ XVII вѣка отозвалось страшною безурядицею въ областномъ судоустройствѣ, и въ половинѣ XVIII столѣтія оно представляло самую странную смѣсь разнородныхъ элементовъ. Въ тогдашнемъ порядкѣ судебныхъ инстанцій это было особенно ощутительно. Самое главное неудобство заключалось въ огромномъ ихъ количествѣ, при полномъ отсутствіи общаго плана въ территориальномъ раздѣленіи. Въ предисловіи къ Учрежденію о Губерніяхъ Императрица Екатерина такъ указывала на этотъ существенный недостатокъ: «множество дозволенныхъ апелляцій немалую причиняетъ правосудію остановку. какъ-то напримѣръ: по торговымъ, купеческимъ и мѣщанскимъ дѣламъ; кто словеснаго суда рѣшеніемъ недоволенъ, тотъ можетъ сызнова просить въ городскомъ магистратѣ, на сей отзываться въ провинціальный магистратъ, изъ провинціальнаго перенести въ губернской магистратъ, изъ губернскаго въ главный магистратъ, а изъ онаго въ Сенатъ». Такимъ образомъ дѣло могло пройти черезъ шесть инстанцій. Это число было самое обыкновенное. Почти всѣ отдѣльныя вѣдомства имѣли ихъ столько. Въ общемъ судебномъ порядкѣ ихъ могло быть до пяти, потому что жалоба на городского воеводу приносилась провинціальному, на послѣдняго — губернатору, на губернатора — юстицъ-коллегіи, а на нее — Сенату. Притомъ число инстанцій не для всѣхъ было одинаково, даже и въ общемъ порядкѣ: для всѣхъ городскихъ жителей, напримѣръ, было только три инстанціи: губернаторъ, юстицъ-коллегія и Сенатъ. Всѣ эти неправильности требовали кореннаго преобразованія» (стр. 521—524).

Приступая къ изложенію судоустройства на основаніи Учрежденія о Губерніяхъ, авторъ характеризуетъ этотъ важный памятникъ законодательства слѣдующими словами:

«Главная заслуга Учрежденія о Губерніяхъ состоитъ въ томъ, что имъ внесены въ управленіе опредѣленные и ясныя

начала. Власть исполнительная была совершенно отдѣлена отъ судебной. Мы видѣли, что Петръ Великій напрасно стремился къ этому. Въ его время общество еще нисколько не было готово къ подобному разграниченію. Къ тому же, въ его мѣрахъ былъ существенный недостатокъ. Онъ слишкомъ раздробилъ областное управленіе, которое, при бѣдности средствъ правительства и плохой административной нравственности, было очень тягостно. Съ другой стороны, обставивъ всю администрацію коллегіальными формами, онъ не довольно распредѣлилъ занятія между областными правителями и ихъ совѣтниками, а это постоянно вело къ одному изъ двухъ неудобствъ: или на дѣлѣ все управленіе превращалось въ личное, или, какъ въ Воронежской губерніи канцеляріи, неосновательный протестъ совѣтниковъ останавливалъ быстроту распоряженій. Екатерина основала судебное и административное вѣдомства на двухъ различныхъ началахъ: судебныя мѣста были всѣ коллегіальныя, въ управленіи, напротивъ, преобладало бюрократическое устройство. Коллегіальныя мѣста имѣли здѣсь подчиненное значеніе, исполнительное или полицейское. Отдѣленіе безспорныхъ дѣлъ отъ спорныхъ и установленіе порядка въ ихъ производствѣ составляетъ вторую важную сторону въ Учрежденіи. Отчисленіе ихъ изъ вѣдомства чисто-судебныхъ мѣстъ освобождало послѣднія отъ множества дѣлъ и давало единство ихъ занятіямъ, а между тѣмъ частныя лица не лишались гарантіи коллегіальнаго начала. Въ самомъ отношеніи губернскаго начальства къ исполнительнымъ мѣстамъ нельзя не замѣтить основательно обдуманнаго плана. Гдѣ требовалась быстрота, единство распоряженій, тамъ дѣйствовали губернаторы, городничіе, исправники; гдѣ же напротивъ надобно было ограничить личный произволъ, тамъ всѣ распоряженія были возложены на коллегіальныя мѣста. Въ судебномъ вѣдомствѣ дѣла уголовныя были отдѣлены отъ гражданскихъ. Доля участія избирательнаго начала опредѣлена ясно» (стр. 525).

Разсмотрѣніе судопроизводства Г. Дмитріевъ начинаетъ также съ Судебника 1550 г. Чтобы дать понятіе о характерѣ этой части его труда, мы приведемъ, прежде всего слѣдующія знаменательныя слова, въ которыхъ онъ высказываетъ свой взглядъ на отношеніе означеннаго памятника къ уставнымъ грамотамъ, и которыя служатъ какъ бы программой входящихъ сюда предметовъ.

«Въ исторіи русскаго судопроизводства, говоритъ Г. Дмитріевъ, появленіе Судебника составляетъ важную эпоху. Завершивъ собою рядъ тѣхъ уставныхъ грамотъ, которыя опредѣляли процессъ съ его внѣшней, формальной стороны, съ точки зрѣнія тѣхъ издержекъ, которыя падали на тяжущихся, Судебникъ послужилъ основаніемъ другому, матеріальному развитію законодательства. Съ него начинаются постановленія, имѣвшія цѣлю отчасти опредѣлить, отчасти измѣнить ходъ судопроизводства. Столѣтіе, прошедшее между Судебникомъ и Уложеніемъ, постоянно выработывало ту форму судопроизводства, которая, въ послѣднемъ изъ этихъ памятниковъ, представляется уже цѣлою системою. Отсюда особенный интересъ этого періода».

Изъ приведенныхъ словъ можно уже догадываться, что Г. Дмитріевъ обратитъ въ своемъ изслѣдованіи о судопроизводствѣ особенное вниманіе на формы древняго процесса — предметъ, безъ сомнѣнія, въ высшей степени важный не только по спорамъ, которые онъ уже успѣлъ возбудить въ нашей, сравнительно еще бѣдной, историко-юридической литературѣ, но и по практическому его примѣненію. Поэтому и мы считаемъ себя обязанными, въ качествѣ рецензента, дать, по возможности, подробный отчетъ о томъ, какъ выполнилъ авторъ эту задачу, но постараемся, вмѣстѣ съ тѣмъ, указать на его выводы, относящіеся къ другимъ предметамъ судопроизводства, не раздробляя, однако, нашего изложенія на принятые имъ эпохи, что при, сжатомъ очеркѣ, представило бы значительныя неудобства.

Различіе между формами процесса обвинительнаго и слѣдственнаго опредѣляется, какъ замѣчаетъ справедливо Г. Дмитріевъ, не одною степенью судейской дѣятельности, но также и тою различною цѣлью, которая лежитъ въ основаніи каждой изъ нихъ. Процессъ обвинительный имѣетъ цѣлью одну, такъ сказать, юридическую истину, основанную на формальномъ соотвѣтствіи факта съ правомъ; процессъ же слѣдственный старается, главнымъ образомъ, проникнуть въ самую сущность дѣла, въ матеріальное бытіе права за тою или другою стороною. Съ этою послѣднею цѣлію и были допущены въ нашемъ древнемъ судопроизводствѣ, въ значеніи доказательствъ, обыскъ или сыскъ (какъ слѣдствіе, а не справка), очныя ставки, распросъ и пытка, имѣвшіе въ немъ самое обширное примѣненіе. Но съ какого времени получили они такое значеніе? Видимъ ли мы въ очной ставкѣ временъ Судебника всѣ признаки уголовного процесса: употребленіе уликъ, отсутствіе присяги, пытку? спрашиваетъ авторъ, и ограничивается отвѣтомъ, что современные источники не даютъ объ этомъ никакого понятія до Уложенія, хотя очень вѣроятно, что такой характеръ очная ставка могла уже получить прежде. Что касается до распроса и пытки, то очевидно, что слѣдственное начало съ ними нераздѣльно, и потому они являются съ этимъ характеромъ съ того времени, какъ упоминается о нихъ въ памятникахъ. Прилагая эти данныя къ процессу до Судебника, авторъ говоритъ положительно, что форма его въ древнѣйшій періодъ русской исторіи была чисто обвинительная, судъ, и только затрудняется рѣшить, удержалось ли въ ней такое исключительное начало и въ эпоху отъ Судебника до Уложенія, по скудости собственно юридическихъ памятниковъ этого времени. Впрочемъ, ближайшія изслѣдованія объ отдѣльных частяхъ розыска приводятъ его къ заключенію, что и теперь употреблялись уже во многихъ случаяхъ одна, въ другихъ — двѣ, три составныя части розыска, въ третьихъ же онъ примѣнялся во всемъ своемъ объемѣ. Именно: въ дѣлахъ о преступленіяхъ служебныхъ встрѣчаются только сыскъ и

очная ставка; въ дѣлахъ помѣстныхъ и вотчинныхъ — сыскъ же и очная ставка; въ дѣлахъ о бѣглыхъ холопахъ и крестьянахъ — сыскъ и распрось; въ дѣлахъ уголовныхъ — всѣ четыре формы вмѣстѣ. Отсюда Г. Дмитріевъ дѣлаетъ выводъ, что и въ означенную эпоху главною формою процесса оставалась обвинительная, какъ для гражданскаго, такъ и для уголовного суда, и что въ дѣлахъ уголовныхъ самая важность судимаго преступленія не всегда подавала поводъ къ слѣдственной формѣ. Последнее объясняется тѣмъ, что доказательства слѣдственного процесса примѣшались къ обвинительной формѣ въ томъ случаѣ, если разсматриваемое преступленіе было такого рода, что угрожало общественному благу, почему государство, посредствомъ своихъ судей, считало своею обязанностью слѣдить за ходомъ процесса, возбуждавшаго особенное его вниманіе. Поэтому самому не одна только гласность преступленія превращала судъ изъ гражданскаго въ уголовный, но и самый характеръ преступленія, соединенный съ этою гласностью. На этомъ основаніи и изъ гражданскихъ дѣлъ въ разсматриваемое время склоняются постепенно къ слѣдственной формѣ тѣ, которыя, по преимуществу, обращали на себя вниманіе правительства, каковы были, напр., дѣла холопы, находившіяся въ связи съ бродяжничествомъ. Такимъ образомъ чисто-обвинительная форма осталась только для дѣлъ по обязательствамъ: выводъ, съ которымъ мы вполне согласны, хотя не можемъ не замѣтить, что, становясь на точку зрѣнія автора, относительно вліянія преступленій, вызывавшихъ въ эпоху Судебника особенный надзоръ правительства на примѣненіе къ нимъ слѣдственной формы процесса, мы думаемъ, что и до времени Грознаго судъ не во всѣхъ случаяхъ производился чисто-обвинительнымъ порядкомъ.

Переходя къ разсмотрѣнію отношенія между формами процесса въ эпоху отъ Уложенія до Петра Великаго, авторъ подвергаетъ тщательному пересмотру мнѣнія, высказанныя профессорами Морошкинымъ и Кавелинымъ въ разъясненіе вопроса: почему въ это время по однимъ дѣламъ не допускалось

доказательства посредствомъ свидѣтелей и присяги, между тѣмъ какъ допускались въ нихъ сыскъ и очныя ставки, а другія производились судомъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. чисто-обвинительною формою процесса. Признавая, что мнѣнія обоихъ приведенныхъ ученыхъ значительно подвинули разрѣшеніе этого вопроса, авторъ считаетъ, однако, необходимымъ развить первое и исправить второе. Вслѣдствіе этого, пересмотрѣвъ внимательно доказательства, приводимыя Г. Кавелинымъ въ подтвержденіе его мысли, что по Уложенію очными ставками судились преимущественно спорныя дѣла на помѣстья и вотчины, а судомъ—все прочія гражданскія дѣла, Г. Дмитріевъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: а) образованіе двухъ различныхъ формъ судопроизводства имѣло рѣшительное вліяніе на распредѣленіе дѣлъ между Приказами Помѣстнымъ и Суднымъ; б) въ основаніи того и другаго лежала темная мысль, достигшая уже нѣкотораго сознанія, въ указѣ 13 іюня 1683 г., о различіи исковъ личныхъ и вещныхъ; в) съ этого времени законодательство старалось постоянно разграничить личные иски отъ вещныхъ, предписывая производить первые судомъ даже въ Помѣстномъ Приказѣ, а вторые—всегда очными ставками. Причина такого разграниченія заключалась въ томъ, что вещные иски представлялись болѣе важными, а потому и болѣе охранялись государствомъ. Эти выводы имѣютъ для насъ тѣмъ болѣе значенія, что совпадаютъ съ принятымъ въ Сводѣ Законовъ раздѣленіемъ нашего судопроизводства на вотчинное и исковое. Съ своей стороны мы полагаемъ, что ихъ можно признать неподлежащими дальнѣйшему спору.

Сдѣлавъ приведенное отступленіе, авторъ продолжаетъ изслѣдованіе, обращаясь прямо къ Уложенію. Постепенное склоненіе отъ формы обвинительной къ слѣдственной еще замѣтнѣе, говоритъ онъ, въ настоящую эпоху, чѣмъ прежде. Составныя части розыска, появившіяся въ гражданскомъ процессѣ, получаютъ перевѣсъ надъ обвинительнымъ элементомъ и начинаютъ примѣняться въ полномъ своемъ объемѣ также въ уголовныхъ

дѣлахъ; съ другой стороны, число гражданскихъ дѣлъ, по которымъ онѣ употреблялись, въ это время умножается. Такъ, напр., очная ставка была прежде, въ дѣлахъ гражданскихъ, пропитана обвинительнымъ элементомъ; во второй же половинѣ XVII вѣка судоговореніе замѣнено допросомъ, появляются улики и пытка, такъ что очная ставка отличалась отъ розыска только тѣмъ, что никогда не начиналась пыткой, какъ уголовный процессъ: слѣдовательно первый моментъ суда былъ обвинительный. Еще большее примѣненіе къ гражданскимъ дѣламъ получилъ розыскъ, который употреблялся и при очной ставкѣ, но нерѣдко также отдѣльно. Наконецъ самая пытка вкралась въ нѣкоторые виды гражданского процесса. Вслѣдствіе этого, дѣла помѣстныхъ и вотчинныхъ почти совершенно перешли въ область розыска. При такомъ направленіи законодательства, естественно, что практика не умѣла удержаться на тонкой чертѣ между двумя формами процесса и нерѣдко ее переступала. Тѣмъ не менѣе правительство предпочитало судъ очнымъ ставкамъ, такъ что даже именнымъ указомъ 3 мая 1683 года послѣднія были отмѣнены во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ уголовныхъ, при чемъ выражено и основаніе, состоявшее въ томъ, «чтобы пошлинныя деньги не пропадали, а исцомъ не повадно бы было затѣвать, и неправдою исковъ своихъ лишнихъ приписывать.» Правило это не могло быть, однако, безусловно исполняемо въ тогдашней практикѣ, и отступленіе отъ него было допущено новоуказными статьями. Все это доказываетъ, что въ настоящую эпоху правительство еще не сознавало вполне ясно ни значенія дѣлъ уголовныхъ, ни характера слѣдственнаго начала.

Петръ Великій засталъ судъ и очную ставку перемѣщенными между собою, и первый вполне уклонившимся отъ чисто обвинительной формы процесса. Вслѣдствіе этого онъ рѣшился произвести коренную перемѣну въ судопроизводствѣ, и указомъ 21 февраля 1697 г. отмѣнилъ какъ суды, такъ и очныя ставки. Въмѣсто тѣхъ и другихъ введенъ розыскъ, и всѣ граждан-

скія дѣла вѣлно рѣшать «крѣпостныя по крѣпостямъ, а не крѣпостныя по розыску»; впрочемъ, произволъ судьи стѣсненъ ограниченнымъ числомъ допущенныхъ доказательствъ. Изъ нихъ въ указѣ упоминается только о свидѣтеляхъ и присягѣ. Пытка оставалась, по крайней мѣрѣ, въ дѣлахъ уголовныхъ; но улики и повальный обыскъ отмѣнены. вмѣсто судоговоренія введенъ допросъ, какъ въ очныхъ ставкахъ. Вскорѣ послѣдовала, однако, новая перемѣна. Въ 1716 году введены въ гражданское судопроизводство новыя правила Воинскаго Процесса, чѣмъ самымъ оно еще болѣе сблизилось съ уголовнымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ возобновлена и въ частныхъ дѣлахъ пытка, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями, такъ что тяжущіеся стали подсудимыми. Неудивительно поэтому, что и Воинскій Процессъ не могъ удержаться. 5 ноября 1723 г. онъ замѣненъ обвинительнымъ порядкомъ, подробно опредѣленнымъ въ знаменитомъ указѣ о формѣ суда или, какъ онъ обыкновенно называется, о судѣ по формѣ. Извѣстность этого указа и примѣненіе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, установленнаго въ немъ порядка суда въ наше время освобождаютъ насъ отъ обязанности излагать его содержаніе. Но мы приведемъ предположенія автора о томъ, какимъ образомъ эта форма постепенно утратила свое значеніе, такъ что въ дѣйствующемъ законодательствѣ составляетъ лишь одинъ изъ особенныхъ видовъ судопроизводства. Причина паденія суда по формѣ заключалась, по мнѣнію Г. Дмитріева, въ укоренившихся привычкахъ нашей судебной практики, которая усвоила себѣ процессуальный взглядъ Уложенія и не понимала никакого другаго. Кромѣ того былъ и поводъ обращаться къ старымъ законамъ, ибо о нѣкоторыхъ частяхъ процесса въ указѣ 1723 г. вовсе не упоминается. Но при Петрѣ Великомъ особымъ судомъ производились только дѣла, возникшія по доношеніямъ фискаловъ и по частнымъ доносамъ, какъ касавшіяся казеннаго интереса. Въ 1726 г. введенъ между купцами таможенный судъ; въ 1727 г. сдѣлано исключеніе для шкиперовъ; въ 1760 маловажныя дѣла между новокрещенными вѣлно

производить не судомъ, а слѣдствіемъ; наконецъ въ 1764 предписано производить тоже слѣдственнымъ порядкомъ споры между военными и посадскими людьми. По роду дѣлъ сдѣлано было изъятіе для дѣлъ уголовныхъ, но дѣла о гражданскихъ преступленіяхъ производились судомъ по формѣ до самаго Учрежденія о Губерніяхъ, которымъ введено полицейское слѣдствіе. Другое исключеніе допущено для дѣлъ о выморочныхъ имѣніяхъ, которыя вѣрно было также производить слѣдственнымъ порядкомъ. Такимъ образомъ въ законодательствѣ судъ по формѣ оставался почти въ своемъ первоначальномъ значеніи до самаго XIX вѣка. Отсюда заключаетъ авторъ, что отступленіе отъ него въ гражданскомъ судопроизводствѣ произошло путемъ практики. Въ мнѣніи Государственнаго Совѣта 1812 г. сказано, что искать на основаніи указа 1723 года предоставляется иногда просителямъ опредѣленіемъ присутственнаго мѣста или Высочайшимъ повелѣніемъ; слѣдовательно, въ началѣ XIX вѣка къ суду по формѣ прибѣгали только по исключенію. Но происхожденія этого порядка, безъ сомнѣнія, должно искать ранѣе.

Въ тѣсной связи съ формами процесса находится порядокъ перехода дѣлъ изъ низшихъ инстанцій въ высшія. Въ этомъ отношеніи изъ источниковъ видно, что со времени Судебника на ревизію восходили сами собою дѣла уголовныя, а изъ гражданскихъ — дѣла холопыи. Прочія дѣла переходили въ высшія инстанціи порядкомъ апелляціоннымъ. Говоря о немъ, авторъ распространяется о докладѣ; но выше мы уже изложили наше мнѣніе относительно этого послѣдняго; здѣсь замѣтимъ только, что оно выражено нами преимущественно касательно тѣхъ докладовъ, которые дошли до насъ въ памятникахъ изъ періода времени до Судебника. Но можно думать, что и послѣ него разсмотрѣніе дѣла въ высшей инстанціи было скорѣе продолженіемъ суда, излагаемаго въ докладѣ, чѣмъ пересмотромъ рѣшенія низшей инстанціи. Этимъ тогдашній докладъ существенно отличается отъ нынѣшняго слѣдственного порядка. Съ дру-

гой же стороны, высшій судья могъ не только пополнять судъ на основаніи показаній тяжущихся и судныхъ мужей, но и входить въ ближайшее разсмотрѣніе доказательствъ и повѣрять ихъ собственными справками. Такимъ образомъ докладъ могъ сдѣлаться въ иномъ случаѣ совершенно новымъ судомъ, въ которомъ разсматривалось и не то, что было засужено, и не такъ, какъ было прежде показано тяжущимися. Независимо отъ разрѣшенія спора между сторонами, въ случаѣ опроверженія одною изъ нихъ докладнаго списка, разрѣшалось еще то спорное отношеніе, которое, вслѣдствіе этого, возникало между ею и судьей. Если было доказано, что судный списокъ составленъ невѣрно, и притомъ по вину самаго судьи, то послѣдній, кромѣ пени, уплачивалъ еще истцовъ искъ. Но правая грамота и въ этомъ случаѣ выдавалась судьей первой инстанціи. Въ XVII вѣкѣ докладъ перестаетъ уже быть повѣркою суда. Областные правители докладывали, по видимому, только въ томъ случаѣ, когда сами затруднялись рѣшеніемъ дѣла. Но въ случаяхъ важныхъ дѣло переходило для окончательнаго рѣшенія въ Приказъ, при чемъ низшей инстанціей производилось только слѣдствіе. Здѣсь, слѣдовательно, не было пересмотра суда во второй инстанціи, а просто — раздѣленіе суда и слѣдствія. Поэтому, говоря вообще, докладъ, въ смыслѣ повѣрки высшимъ судьей производства, сдѣланнаго низшимъ, не существуетъ въ XVII вѣкѣ.

Способы принесенія жалобы и разсмотрѣніе ея также различны въ XVI вѣкѣ и въ XVII. Въ эпоху Судебника, когда жалоба приносилась не на содержаніе рѣшенія, то въ высшей инстанціи пересматривалась и исправлялась только та часть суда, которая была произведена неправильно. Но когда судья обвинялся въ незаконномъ окончаніи дѣла съ превышеніемъ власти, то судъ производился снова. Въ случаѣ жалобы собственно апелляціонной дѣлалось различіе въ томъ, почему судья рѣшилъ дѣло неправильно. Если оказывалось, что причина этому была только ошибка, то производился новый судъ. Напротивъ, если

открывалось, что дѣло было рѣшено неправильно по лихоимству, то съ судьи взыскивали, въ пользу истца, весь искъ и тройныя пошлины, и затѣмъ уже едва ли происходилъ судъ съ головы. Въ томъ и другомъ случаѣ судопроизводство, возникая по жалобѣ на низшую инстанцію, имѣло видъ суда тяжущагося съ самимъ судьей, а потому здѣсь прилагались всѣ обыкновенныя правила о процессѣ. Съ появленіемъ воеводъ, такой характеръ суда долженъ былъ измѣниться. Областные правители уже не вызывались высшей инстанціей къ суду по жалобамъ тяжущихся; съ другой стороны, кажется, что судъ производился во всякомъ случаѣ снова. Кромѣ того, встрѣчаются указанія на перенесеніе дѣла въ высшую инстанцію и не по жалобѣ на судью. Въ концѣ XVII вѣка дѣло переходило въ судъ въ полномъ своемъ составѣ, хотя о судѣ по апелляціи въ Уложеніи оставлены въ силѣ почти всѣ статьи Судебника. Со времени Петра Великаго устанавливается твердое различіе и отношеніе между слѣдственнымъ и апелляціоннымъ порядкомъ, въ нынѣшнемъ значеніи того и другаго. Въ рѣшеніи же дѣлъ, которыя должны сами собою переходить на разсмотрѣніе высшихъ инстанцій, принято за правило, чтобы низшее мѣсто, во всякомъ случаѣ, постановляло свой приговоръ, не довольствуясь докладомъ. Съ особенною ясностью опредѣлено это въ Учрежденіи о Губерніяхъ. Съ другой стороны, мало-по-малу утвердилось въ законодательствѣ и въ практикѣ различіе между жалобой частной и апелляціонной. Въ Учрежденіи о Губерніяхъ всѣ жалобы на медленность и безпорядки судебныхъ мѣстъ въ губерніи отнесены къ вѣдомству Губернскихъ Правленій, а апелляціонныя прошенія велѣно подавать въ Палаты. Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлены правила для перенесенія дѣлъ по апелляціи и для разсмотрѣнія ихъ въ высшей инстанціи. Къ числу ихъ принадлежитъ воспрещеніе принимать въ этой послѣдней новыя дополнительныя прошенія. Императрицею Екатериною II опредѣлены крайніе сроки для подачи апелляціи (годовой), и для постановленія приговора низшаго мѣста (мѣсячный); ею же

положена преграда прежнимъ безчисленнымъ жалобамъ установленіемъ залога правой апелляціи. Разсмотрѣніе этой части преобразованій въ судопроизводствѣ XVIII столѣтія авторъ заключаетъ слѣдующими словами: «Законы Императрицы Екатерины объ апелляціи представляютъ то важное достоинство, что приводятъ въ порядокъ всѣ неясныя понятія новаго періода о пересмотрѣ дѣла. Въ нихъ судъ второй инстанціи получаетъ настоящее значеніе повѣрки перваго суда и утрачиваетъ старинный характеръ тяжбы съ судьей. Это, такъ сказать, теоретическая сторона преобразования. Въ практическомъ отношеніи оно устранило возможность безпрепятственно нарушать порядокъ инстанцій, что, какъ мы видѣли, составляло одно изъ главныхъ затрудненій нашего стариннаго судопроизводства» (стр. 574).

Въ отношеніи къ отдѣльнымъ частямъ самаго хода процесса, книга Г. Дмитріева представляетъ сборникъ матеріаловъ, приведенныхъ въ систему, съ отчетливымъ заключеніемъ о каждой изъ нихъ, или, по крайней мѣрѣ, съ мыслью, вносящею въ науку въ одномъ случаѣ полезное указаніе, въ другомъ — остроумное соображеніе. Мы увѣрены, что по этимъ неоцѣнимымъ достоинствамъ разсматриваемое изслѣдованіе займетъ въ нашей историко-юридической литературѣ такое же почетное мѣсто, какое принадлежитъ въ ней Исторіи Гражданскихъ Законовъ покойнаго профессора Неволіна. Чтобы, впрочемъ отчасти, указать здѣсь на обширныя изысканія автора о предметахъ, входящихъ въ составъ процесса, мы представимъ краткій перечень порядка, въ какомъ онъ разсматриваетъ ихъ по принятымъ имъ эпохамъ, съ указаніемъ и на нѣкоторые его выводы, заслуживающіе особенное вниманіе.

Изложеніе судопроизводства въ каждую эпоху Г. Дмитріевъ начинаетъ разсмотрѣніемъ свѣдѣній, находящихся въ источникахъ о тяжущихся и ихъ повѣренныхъ и объ искахъ вообще. Здѣсь останавливается онъ на слѣдующихъ предметахъ: кто могъ искать и отвѣчать; какія лица могли быть представи-

телями и повѣренными, и значеніе ихъ; основанія къ прекращенію права иска; различіе между исками, раздѣленіе ихъ и взаимное отношеніе. Въ изложеніи самаго хода суда мы находимъ подробныя изслѣдованія о челобитныхъ или прошеніяхъ, о вызовѣ отвѣтчика и способахъ обезпеченія явки его и истца на судъ; о правѣ отвода судьи; объ отношеніи къ нему тяжущихся; о судебныхъ доказательствахъ: 1) признаніи, 2) свидѣтеляхъ, 3) судахъ Божіихъ и присягѣ, 4) повальномъ обыскѣ, 5) письменныхъ доказательствахъ; о судоговореніи и дѣятельности тяжущихся и судей во время производства суда. Третью часть относящихся сюда изслѣдованій составляютъ: судебное рѣшеніе, исполненіе приговора, судебныя пошлины, пересмотръ и повѣрка рѣшенія въ высшихъ инстанціяхъ.

Говоря объ искахъ, авторъ раздѣляетъ ихъ, по тѣмъ правамъ, изъ которыхъ они возникаютъ, на личныя и вещныя, а на основаніи способа пріобрѣтенія правъ — на крѣпостныя и некрѣпостныя. Но какъ надлежащее соотношеніе между исками личными и вещными установилось не вдругъ, а съ другой стороны, такъ какъ различіе между ними имѣло важное вліяніе на самый ходъ процесса въ разныя эпохи, то авторъ разсматриваетъ ихъ подробно въ томъ и другомъ отношеніи и приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Въ эпоху Судебника ясно сознавались одни личныя иски, ибо вообще право выходило изъ спокойнаго состоянія только вслѣдствіе преступленія или, по крайней мѣрѣ, явнаго нарушенія закона. Склоненіе къ вещному иску замѣтно въ это время въ однихъ дѣлахъ о вотчинахъ и помѣстьяхъ. Впрочемъ, въ Стоглавѣ дѣлается уже различіе между тѣми и другими, ибо отъ *исковъ* (собственно личныхъ) отличаются *споры*. Въ эпоху Уложенія иски, по мнѣнію автора, продолжаютъ признаваться по преимуществу личными. «Чисто вещный характеръ, говоритъ онъ, имѣютъ въ это время только дѣла межевыя; иски о холопахъ и крестьянахъ носятъ чаще характеръ личныхъ, но иногда въ нихъ есть признаки вещныхъ *исковъ*: таковы, напр., случаи, когда на одного холопа предъ-

явлены двѣ кабалы, или когда господинъ предоставлялъ отвѣтъ самому холопу.» Но мы вправѣ спросить: почему авторъ не обратилъ здѣсь вниманія на различіе, указанное имъ въ другомъ мѣстѣ, какое дѣлаетъ Уложеніе между *искомъ* и *тягбою*? Первый, какъ справедливо замѣчено въ Сводѣ Законовъ (т. X Зак. Гражд. примѣч. къ ст. 155, изд. 1857 г.), всегда ищется *на комъ либо*, а вторая относится къ *имуществамъ*. Это различіе между исками признано ясно въ законодательствѣ послѣ указа 13 іюня 1638 г. и повело къ довольно строгому разграниченію дѣлъ относительно производства однихъ изъ нихъ *судомъ*, а другихъ *очными ставками*, какъ указано выше. Но и эти свѣдѣнія встрѣчаются въ книгѣ Г. Дмитріева въ другомъ мѣстѣ. За то мы не можемъ не обратить вниманіе на любопытное въ ней замѣчаніе, что хотя въ до-петровской Россіи большая часть исковъ признавалась личными, они переходили по наслѣдству по причинѣ ихъ особеннаго въ то время характера, состоявшаго въ денежной оцѣнкѣ. Исключеніе составляли, вѣроятно, только иски о безчестьи, но не въ дѣлахъ по мѣстничеству, ибо утрата кѣмъ-либо *родовой части* считалась *потеркою* и для его наслѣдниковъ.

Раздѣленіе исковъ на крѣпостные и некрѣпостные сдѣлалось особенно важнымъ съ Уложенія. Первые, какъ самые цѣнные, стали пользоваться, съ этого времени, особенною защитою въ судѣ, такъ что неявкою на срокъ тяжущіеся въ такихъ дѣлахъ болѣе не винулись.

Говоря о ходѣ процесса, авторъ коснулся различія между *судопроизводствомъ словеснымъ* и *письменнымъ*. По его изслѣдованіямъ, въ древнѣйшее время судъ производился словесно. Единственный судебный актъ, излагавшійся письменно, была правая грамота, но и она выдавалась только по просьбѣ оправданнаго тяжущагося. Изъ правыхъ грамотъ мы видимъ, что не только личная жалоба приносилась словесно, но и челобитье другаго передавалось его повѣреннымъ тоже на словахъ. Но начиная съ XVI вѣка, склоненіе обвинительнаго процесса къ

слѣдственному, суда—къ розыску, не могло не усилить письменнаго производства. Кромѣ того и самый порядокъ вчинанія исковъ не остался безъ дѣйствія въ этомъ случаѣ. Въ XVII вѣкѣ по многимъ дѣламъ первоначальное изслѣдованіе поручалось мѣстной власти, а потомъ дѣло опять переходило въ Приказъ. Эти сношенія, разумѣется, усиливали переписку. По Уложенію весь процессъ, начиная съ челобитной, указываетъ на значительное развитіе письменной формы. Соображая ходъ суда въ это время, можно также думать, что и гласность въ немъ не допускалась. Въ концѣ XVII вѣка отвѣтчики перѣдко заготовляли на дому сказки, которыя должны были давать на судоговореніи. Вредныя послѣдствія такого преобладанія письменности не замедлили выразиться въ ябедѣ и ухищреніяхъ къ оттяжкѣ рѣшенія дѣла разными справками и сношеніями между присутственными мѣстами. Петръ Великій ясно понималъ зло; но возвращеніе въ его судѣ по формѣ къ обвинительному началу не принесло пользы въ этомъ отношеніи, ибо процессуальный взглядъ Уложенія взялъ перевѣсъ, и въ практикѣ вытѣснилъ постепенно простоту его судопроизводства, замѣнивъ ее отяготительными формами. Въ 1762 г. Императрица Екатерина II жаловалась на умноженіе «излишняго и непринадлежащаго письма». Тѣмъ не менѣе словесная форма суда получила практическое примѣненіе въ XVIII вѣкѣ только въ дѣлахъ торговыхъ, для которыхъ общій судебный порядокъ былъ крайне неудобенъ по его медленности. Уже въ 1727 г. въ Таможенномъ Уставѣ опредѣлены правила словеснаго суда, и хотя при Императрицѣ Елисаветѣ внутреннія таможи уничтожены, но въ словесныхъ судахъ чувствовалась такая потребность, что они были немедленно учреждены при Магистратахъ и Ратушахъ подъ ихъ апелляціей; въ 1754 г. Сенатъ предписалъ даже тамъ, гдѣ нѣтъ ни Магистратовъ, ни Ратушъ, учредить словесные суды особо подъ апелляціей ближайшаго города. Не довольствуясь этимъ, Екатерина II издала въ 1766 г. подробную инструкцію для таможенныхъ словесныхъ судовъ.

На основаніи этой инструкціи, процессъ долженъ производиться *кратко и словесно* во всѣхъ его частяхъ и только записывается сокращенно въ книгу. Такой же порядокъ судопроизводства, съ незначительнымъ измѣненіемъ, введенъ Императрицею и въ словесныхъ судахъ.

Кромѣ приведенныхъ указаній на выводы автора, намъ кажется неизлишнимъ исчислить здѣсь тѣ юридическіе термины стариннаго судопроизводства, которые кратко, но довольно отчетливо опредѣлены имъ, для того, чтобы они могли занять мѣсто въ Юридическомъ Словарѣ, составляющемъ насущную потребность изслѣдователей древняго быта Россіи. Вотъ эти термины въ томъ порядкѣ, какъ они встрѣчаются въ книгѣ: *заговоръ* (стр. 137), *недѣльщикъ* и *пѣздокъ* (138), *данный приставъ* и *данные судьи* (139, 149 и 151), *явка* (195), которую, однако, было бы необходимо отличить отъ *изъята*; *выручка у пристава* (199), *заявленная грамота* (209), хотя кажется, что ее слѣдуетъ относить не вообще къ тяжущимся, а преимущественно къ отвѣтчику (см. Акт. Юрид. быта древн. Россіи, № 45), *ссылка изъ виноватыхъ* (242 и 404 — 405), *общая ссылка или правда* (242), *поручныя ставочныя* (397), *челобитныя подписныя* (398), *рописка* (398 и 400), *сказать у выписи* (400), *пошлины подписныя* и *печатныя* (426 и 427), *правящая выпись* (430), *переводъ* (въ смыслѣ отсрочки) (431). Но термины *допѣзная* и *наказная память* опредѣлены, кажется намъ, и неправильно и неполно. Первою называлось не только донесеніе пристава суду, что отвѣтчикъ не дался на поруку, а всякое донесеніе о томъ, что сдѣлано имъ по какому-либо порученію, данному ему для исполненія преимущественно въ уѣздѣ, отчего самаго эта память и называлась *допѣзною* или обыкновенно *допѣздою* (стр. 207). Точно также *наказною памятью* назывался всякій приказъ, данный приставу или кому-либо другому, въ которомъ излагалось съ нѣкоторою подробностью, какъ онъ долженъ исполнять возлагаемое на него порученіе. Впрочемъ, можетъ быть, что объясняя это слово, авторъ принималъ его только въ частномъ значеніи наказа для поимки отвѣтчика.

Изслѣдованіе свое Г. Дмитріевъ оканчиваетъ сравненіемъ развитія судопроизводства въ древней Россіи съ развитіемъ процесса на Западѣ. Это сравненіе привело его къ слѣдующимъ выводамъ. «У насъ, говоритъ онъ, какъ и во всей остальной Европѣ, первоначально смотрѣли на судъ, какъ на совершенно частное дѣло, какъ на борьбу двухъ сторонъ, или частный договоръ между ними. Отсюда происходили всѣ формы древнѣйшаго процесса, свободный элементъ, который въ немъ замѣтенъ, и крайняя его неопредѣленность. Судъ былъ рѣшеніемъ спора, а не возстановленіемъ права. Оттого въ немъ господствовалъ личный способъ доказательства (*persönlicher Beweis*), основанный на довѣріи къ показаніямъ тяжущихся, или на побѣдѣ одной изъ сторонъ. Судья былъ обязанъ высказать право, изслѣдованіе факта было дѣломъ второстепеннымъ, и только при явной сомнительности доказательствъ судъ входилъ въ ихъ разсмотрѣніе. Вслѣдствіе этого, древнѣйшій способъ доказательства имѣлъ цѣлю не сдѣлать фактъ очевиднымъ, а внушить судѣ довѣріе къ лицу тяжущагося, или его свидѣтелей. Вотъ почему сначала, и у насъ и на Западѣ, первымъ доказательствомъ было требованіе поединка.... Во весь древній періодъ русской исторіи до XVI вѣка различіе съ народнымъ процессомъ Запада есть болѣе количественное, нежели качественное. У германскихъ народовъ частыя столкновенія, борьба различныхъ элементовъ производятъ многообразныя формы, у насъ онѣ одиобразнѣе, но содержаніе ихъ почти тоже. Тѣже причины произвели различіе и по времени: на Западѣ старинный процессъ уже въ XIII вѣкѣ начинаетъ уступать новымъ понятіямъ каноническаго и римскаго права, у насъ онъ держится дольше иначе не измѣняется только съ появленіемъ государства» (стр. 576 — 577). Но съ этого послѣдняго момента авторъ замѣчаетъ различіе въ дальнѣйшей судьбѣ процесса въ Россіи и на Западѣ: «Въ Германіи и Франціи, пишетъ Г. Дмитріевъ, обвинительное начало сохранилось почти во всей чистотѣ. Власть по временамъ стѣсняла его сферу, но не вытѣснила его совершенно.

Причинъ этому много. Между ними, разумѣется, самая главная— раннее появленіе науки. Слагавшееся государство искало опоры въ рядахъ людей, давно знакомыхъ съ Римскимъ правомъ и усвоившихъ себѣ его воззрѣнія. Юристы не могли не дѣлать яснаго различія между уголовнымъ и гражданскимъ процессомъ и при всей наклонности къ произвольному способу дѣйствія, не могли, какъ у насъ, допустить безпрепятственное вторженіе пытки въ спорныя дѣла. Къ тому же, самостоятельное положеніе сословія должно было ревниво охранять старинный обычай. Древняя Россія находилась въ другихъ условіяхъ. Народный процессъ тоже не могъ сохраниться при развитіи государства. Къ потребности болѣе достовѣрности присоединилась еще одна причина. Появилось особое юридическое сословіе, котораго главная дѣятельность сосредоточивалась въ Московскихъ Приказахъ. Безъ пособій образованія, безъ преданій римскаго права, оно показало, однако, замѣчательную юридическую способность. Процессъ, выработанный имъ, отличается послѣдовательностію, цѣльностію и простотою. Но двинуться далѣе народнаго воззрѣнія, внести въ него другіе, новые элементы, оно не сумѣло. Оттого, послѣдствіемъ централизаціи, сосредоточенія всѣхъ дѣлъ въ рукахъ дьяковъ, было только то, что процессъ постепенно терялъ свой національный характеръ, не оживляясь новыми началами, въ виду другихъ потребностей. Оттого въ судьбѣ нашего народнаго процесса замѣтно явленіе совершенно противоположное съ тѣмъ, которое было на Западѣ. Верховная власть явилась у насъ сохранительницею обвинительнаго начала. Отчасти въ финансовыхъ видахъ, отчасти по естественному чувству справедливости она старалась положить границу между различными формами процесса: но ни судьи, ни челобитчики ея не соблюдали. Въ такомъ положеніи засталъ наше судопроизводство Петръ Великій» (стр. 578 — 579).

Въ заключеніе отчета о книгѣ Г. Дмитриева считаю долгомъ свидѣтельствовать, что она представляетъ такое отрадное явленіе въ нашей юридической литературѣ и такъ много вноситъ сознательно выработанныхъ идей въ исторію русскаго законодательства, что, по моему мнѣнію, Императорская Академія Наукъ окажетъ лишь справедливость глубокимъ знаніямъ, замѣчательному дарованію и рѣдкому трудолюбію автора, если увѣнчаетъ настоящее его изслѣдованіе *полною Демидовскою премією*.

(Извлечено изъ Отчета XXIX Присужденія Демидовскихъ Наградъ).

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ

Г. ЧЕБЫШЕВА-ДМИТРІЕВА:

«О ПРЕСТУПНОМЪ ДѢЙСТВІИ ПО РУССКОМУ ДО-ПЕТРОВ- СКОМУ ПРАВУ»;

СОСТАВЛЕННЫЙ Н. В. КАЛАЧОВЫМЪ.

Появленіе труда, посвященнаго разработкѣ древняго русскаго права съ именемъ г. Чебышева-Дмитріева, составляетъ, въ нашихъ глазахъ, явленіе не только отрадное, но и знаменательное. Доселѣ мы были знакомы съ талантливымъ авторомъ лишь по его сочиненіямъ, посвященнымъ уголовному праву западныхъ государствъ. Часть эту онъ не только основательно изучилъ по современнымъ законодательствамъ и сочиненіямъ криминалистовъ, но также, своими замѣчательными лекціями, успѣлъ результаты этого изученія привить къ своимъ слушателямъ, изъ коихъ, безъ сомнѣнія, уже многіе примѣняютъ теперь на практикѣ юридическія истины, вынесенныя ими изъ стѣнъ университетскихъ. И вотъ, кажется намъ, та естественная причина, почему г. Чебышевъ-Дмитріевъ долженъ былъ обратить особенное вниманіе на отечественные законы, изученіе коихъ привело его въ свою очередь къ исторической ихъ основѣ, коренящейся съ одной стороны въ національныхъ элементахъ государства, а съ другой стороны во вліяніи, которое имѣли у насъ въ разное время иностранные источники. И должно отдать справедливость автору: настоящее его сочиненіе служить, по нашему мнѣнію, несомнѣннымъ доказательствомъ, что, при изученіи исторической стороны русскихъ уголовныхъ законовъ, онъ не намѣренъ ограничиться бѣглымъ обзоромъ относящихся къ ней матеріаловъ. Онъ прямо и смѣло приступаетъ къ од-

ной изъ частей нашего древняго права, еще вовсе не подвергшейся разработкѣ, и только по своей важности и непосредственной связи съ другими частями затронутой изслѣдователями. Но этимъ самымъ онъ переходитъ на почву спеціальнаго изслѣдованія избраннаго имъ предмета; представленіемъ же своего труда на судъ высшаго ученаго учрежденія вызываетъ, какъ специалистъ, болѣе строгій отзывъ объ немъ критики, чѣмъ требовала бы новостъ для него той области изысканій, въ которую онъ вступилъ. Съ этой точки зрѣнія мы и считаемъ себя обязанными разсмотрѣть ближе настоящее его сочиненіе.

Цѣль, предположенная авторомъ, заключается въ изслѣдованіи постепеннаго развитія въ нашемъ правѣ до Петра Великаго понятій *о преступномъ дѣйствіи*, относящемся къ внѣшней сторонѣ преступленія, котораго сторона внутренняя (ученіе о вѣнѣніи), по древнему же русскому праву, обстоятельно разсмотрѣна г. Власевымъ въ особомъ сочиненіи, увѣнчанномъ въ прошедшемъ году преміей графа Уварова. Точно также какъ и сей послѣдній, г. Чебышевъ-Дмитріевъ подраздѣляетъ свое изслѣдованіе на три отдѣла по тремъ періодамъ, рѣзко характеризующимся дѣйствовавшими въ каждомъ изъ нихъ памятниками законодательства — Русской Правды, Судебниковъ и Уложенія 1649 г. Шагъ за шагомъ слѣдитъ онъ такимъ образомъ за тѣми воззрѣніями на преступное дѣйствіе, которыя жили въ до-петровскомъ обществѣ и развивались въ немъ по мѣрѣ утвержденія государственнаго начала и гражданственности. Такая задача требовала однако, при еще далеко недостаточной разработкѣ древнихъ памятниковъ нашего законодательства, глубокаго анализа не только ихъ содержанія, но и самаго изложенія, безъ чего и представляющіеся на первый взглядъ выводы изъ нихъ являются лишенными твердаго основанія. Съ этой стороны — скажемъ откровенно — изслѣдованіе г. Чебышева-Дмитріева заключаетъ въ себѣ недостатки, дающіе, по нашему мнѣнію, поводъ оспаривать тѣ добытые имъ результаты, которыми онъ, по видимому, такъ дорожитъ, признавая ихъ новыми и выставляя ихъ, для болѣе ясной, какъ заключительныя положенія въ концѣ каждаго отдѣла. Чтобы подтвердить наши слова, мы постараемся, вмѣстѣ съ отчетомъ о главныхъ изъ этихъ положеній и о соображеніяхъ, на коихъ они основаны, указать на спорные въ нихъ пункты, требующіе новаго, болѣе подробнаго изслѣдованія. Этимъ самымъ надѣемся мы удовлетворить отчасти и желанію автора, чтобы высказанныя имъ мысли послужили поводомъ къ пере-

исслѣдованію поднятаго имъ труднаго и важнаго вопроса о преступномъ дѣйствіи по русскому праву.

Г. Чебышевъ - Дмитріевъ начинаетъ свои розысканія съ быта Славянскихъ племенъ, которому новѣйшіе изслѣдователи по русской исторіи усвоили названіе родоваго. Совершенно вѣрно замѣчаетъ онъ, что родовые союзы должны были дать господствующему въ первичныхъ обществахъ началу кровной мести значеніе юридическое съ отрицаніемъ на нее права со стороны другихъ чуждыхъ имъ союзовъ; но признавая за тѣмъ общественное значеніе мести внутри самихъ союзовъ, предлагаетъ, подъ вліяніемъ этого воззрѣнія, такія объясненія касательно верви, круговой поруки и виры, съ которыми мы никакъ не можемъ согласиться.

Основные элементы древнѣйшихъ общинъ удержались, по мнѣнію автора, неприкосновенными въ вервахъ Русской Правды. «Прежняя мечь, говоритъ онъ, смѣнилась вирами и продажами и вервь платитъ виру, татьбу и продажу на томъ же самомъ основаніи, на какомъ прежде выдерживала нападеніе местниковъ въ томъ случаѣ, если не выдавала преступника и защищала его. Какъ прежде члены верви вкладывались своими физическими силами для защиты и помощи своему сочлену противъ мстителей, такъ теперь они вкладываются въ дикую виру и уплачиваютъ за виновнаго въ тѣхъ случаяхъ, когда они не хотятъ его выдать княжескому суду. Какъ прежде въ до-княжеское время, такъ и теперь вервь имѣла право суда надъ своими членами, помимо новаго княжескаго суда, которому она выдавала или не выдавала преступника. Этотъ судъ общины, приводившій въ ясность всякое преступленіе и ведущій начало свое съ незапамятныхъ временъ, господствовалъ въ полной силѣ въ періодъ Русской Правды и впоследствии превратился въ повальный обыскъ (стр. 49)». Соединяя такимъ образомъ кровную мечь и судъ общины, авторъ разумѣетъ очевидно подъ этими общинами родовые союзы, о внутреннемъ бытѣ коихъ мы однако почти ничего не знаемъ, ибо первые наши памятники застали ихъ уже развившимися въ гражданскія общества — сельскія и родовыя. Извѣстно также, что нѣкоторыя изъ такихъ общинъ возникали совершенно независимо отъ родовыхъ отношеній, изъ населенія, собравшагося съ разныхъ сторонъ. Совпадали ли слѣдоват. общины, современныя Русской Правдѣ, какъ *общины родовыя*, съ *вервами* — представляется вопросомъ, который вообще долженъ быть, по нашему мнѣнію, разрѣшенъ отрицательно. Во всякомъ случаѣ мы считаемъ себя въ правѣ сказать, что подъ вліяніемъ

княжеской власти, и между прочимъ учрежденія ея вервей и денежных пеней въ ея пользу, должна была произойти, хотя и косвенно, значительная перемѣна во внутреннемъ бытѣ тогдашнихъ общинъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ право суда и казни, принадлежавшее прежде исключительно общинамъ, верховная власть, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, предоставила себѣ, какъ напр. на казаніе поджигателя и коневаго татя по Русской Правдѣ.

Еще менѣе основательными кажутся намъ доводы автора, что постановленія Р. Правды о взысканіи съ верви опредѣленныхъ денежных пеней въ пользу князя слѣдуетъ признать туземнымъ учрежденіемъ, подъ названіемъ круговой поруки. Скорѣе можетъ быть отнесено сюда право жителей верви заключать между собою договоръ о платежѣ сообща *дикой виры* на тотъ случай, если бы кто изъ нихъ совершилъ убійство, хотя и такой договоръ не есть также поручительство въ томъ строгомъ смыслѣ, въ какомъ, наприм., мы видимъ въ позднѣйшее время круговую поруку относительно уплаты податей и исполненія какого либо частнаго обязательства. Но именно относящуюся сюда статью Русской Правды г. Чебышевъ-Дмитріевъ вовсе не признаетъ. «Съ какой стати — говоритъ онъ — община позволить быть своимъ членомъ и жить въ своихъ предѣлахъ тому, кто не вложится въ дикую виру? Вѣдь она платитъ за преступленія въ случаѣ неизвѣстности убійцы, слѣдоват. не можетъ избѣгнуть того, чтобъ не заплатить иногда за преступленіе не вложившагося въ дикую виру своего члена» (стр. 44). Мы понимаемъ, что автора не могли удовлетворить противорѣчивые выводы гг. Лешкова и Бѣляева о вкладѣ въ дикую виру но къ сожалѣнію примкнувъ въ своихъ доводахъ къ первому изъ нихъ, онъ долженъ былъ согласиться съ нимъ, что въ настоящемъ случаѣ не слѣдуетъ основываться на Русской Правдѣ. Не правильнѣе ли однако было бы положиться на источникъ и только постараться найти лучшее объясненіе статьѣ, возбудившей сомнѣніе? И это кажется намъ очень возможнымъ, если обратить вниманіе на то, что въ приведенномъ мѣстѣ говорится лишь о случаѣ, когда головникъ извѣстенъ и когда, на основаніи статьи 4-й Правды, ему могли бы помогать «люди» въ уплатѣ 40 гривенъ князю, если бы съѣхъ обязался въ свое время участвовать съ ними въ платежѣ виры при тѣхъ же условіяхъ. Такой выводъ нисколько не противорѣчитъ статьямъ о вервахъ, въ которыхъ конечно всѣ жители должны были платить виру, когда убійца былъ неизвѣстенъ, или продажу за воровство, когда виновный не былъ открытъ: въ этомъ

смыслѣ вира и по Русской Правдѣ имѣеть тоже значеніе, какое имѣла въ послѣдствіи «вѣра», о которой упоминается въ грамотахъ до XVII-го вѣка включительно.

Приступая къ разбору статей Русской Правды относительно преступныхъ дѣйствій, г. Чебышевъ - Дмитріевъ указываетъ лишь мимоходомъ на тѣ основанія, по коимъ онъ признаетъ одни постановленія этого памятника остатками древнихъ общественныхъ учреждений, а другія нововведеніемъ князей, хотя въ тоже время тѣми и другими постановленіями пользуется безразлично для своихъ выводовъ. Такъ наприм. говоря о разрозненности, бывшей между разными союзами до призванія князей, онъ приводитъ статью «о сводѣ», которая доказываетъ, по его мнѣнію, новостъ образованія «союзныхъ общинъ». Напротивъ, желая подтвердить свою мысль, что виры указываютъ на право суда, принадлежавшаго тогдашнимъ общинамъ, онъ признаетъ ихъ замѣною кровной мести, не обращая вниманія на то, что послѣдняя есть самобытное явленіе въ жизни младенчествующихъ народовъ, между тѣмъ какъ виры учреждены были у насъ князьями.

Въ преступномъ дѣйствіи авторъ различаетъ объектъ преступления и преступное нарушеніе права. Въ отношеніи къ первому мы находимъ у него удовлетворительныя, по нашему мнѣнію, объясненія о причинѣ невзиманія виры въ томъ случаѣ, когда въ верви найденъ трупъ или кости неизвѣстнаго, о неплатежѣ денежныхъ пеней за преступленія, учиненныя противъ иностранцевъ, и о продажѣ за убійство раба. Изъ нарушеній права авторъ относитъ къ преступленіямъ такіа дѣйствія, за которыя угрожается наказаніемъ, именно: смертоубійство, въ особенности разбой, коневую татьбу, поджогъ, изувѣченіе, воровство, злонамѣренное истребленіе или поврежденіе чужаго имущества, утайку и убійство и уводъ чужаго раба. Но мы думаемъ, что онъ напрасно не остановился на разсмотрѣніи вопроса: во всякомъ ли случаѣ вира или продажа, опредѣленныя въ пользу князя, служатъ доказательствомъ, что дѣйствіе, за которое назначена денежная пеня, считалось въ періодъ Правды преступленіемъ? Мы знаемъ, напр., что вира взималась и за убійство, учиненное случайно и даже за такое убійство, о которомъ неизвѣстно кѣмъ и въ отношеніи къ кому оно совершено. Съ другой стороны мы не можемъ ни изъ чего заключить, чтобы князь и его чиновники преслѣдовали сами собою всѣ такіа дѣйствія. Только для взиманія виры были назначены особыя должностныя лица; напротивъ продажи взыскивались не иначе, какъ

вслѣдствіе жалобы обиженнаго. Отсюда должно, по нашему мнѣнію, вывести то заключеніе, что какъ вира, такъ и продажа были установлены за нарушеніе мира, дознанное самимъ правительствомъ (въ убійствѣ), или же сдѣлавшееся ему извѣстнымъ по чьему либо обвиненію и по произведенному за тѣмъ дознанію или суду. Различая такимъ образомъ преступленіе отъ нарушенія мира, мы расходимся опять съ авторомъ въ мнѣніи его, что всѣ преступленія по Русской Правдѣ считаются дѣйствіями злонамѣренными и въ этомъ смыслѣ подвергаются наказаніямъ. «Гражданское принужденіе — говоритъ онъ — имѣетъ своимъ предметомъ преимущественно матеріальное вознагражденіе обиженнаго. Уголовное принужденіе имѣетъ своимъ предметомъ единственно преступную волю и падаетъ исключительно на виновнаго. Это различіе между гражданскимъ и уголовнымъ принужденіемъ видно изъ распоряженій Правды объ искахъ по воровству; еще яснѣе это открывается изъ статей Правды о преступленіяхъ закуповъ и холоповъ» (стр. 88). Наше мнѣніе состоитъ напротивъ въ томъ, что какъ скоро дѣло доходило до суда, то конечно при этомъ могло быть, въ большей или меньшей степени, обращено вниманіе на злонамѣренность поступка, но тѣмъ не менѣе и явное доказательство, что оно было совершено безъ злаго умысла не освобождало отъ взысканія за него; послѣ того какъ оно сдѣлалось извѣстнымъ князю или чиновнику, опредѣленной виры или продажи. Не соглашаясь такимъ образомъ съ первымъ положеніемъ заключительнаго вывода автора о характерѣ преступнаго дѣйствія по Русской Правдѣ (стр. 91), мы должны указать также на невѣрность высказываемой имъ вслѣдъ за симъ мысли, будто о преступленіяхъ публичныхъ древнѣйшіе русскіе памятники не упоминаютъ и что указаніе на нихъ встрѣчается въ первый разъ въ Псковской Судной грамотѣ въ словахъ «а кромскому татю и коневому и перевѣтнику и зажигаю тѣмъ живота не дати» (стр. 92). Говоря это, авторъ, безъ сомнѣнія, забылъ, что и въ Русской Правдѣ за зажигательство, разбой, коневую татьбу и истязаніе (муку) одного лица другимъ полагаются наказанія; и притомъ за первыя три преступленія не денежная пеня, а потокъ и разграбленіе; что же касается до другихъ памятниковъ, предшествовавшихъ Псковской грамотѣ, то о казни за нѣкоторыя преступленія ясно говорится въ уставахъ о церковныхъ судахъ, а въ Двинской грамотѣ (1398 года) за татьбу полагается даже вѣшаніе и клейменіе. Наконецъ, не можемъ мы согласиться и съ третьимъ положеніемъ автора, что въ наказаніи со-

временники Правды видѣли только справедливое возмездіе зломъ за зло, не обращая вниманія отъ кого оно исходитъ (отъ власти общественной или частнаго лица), и что поэтому месть обиженнаго исключала собою общественное наказаніе (стр. 92). Автора ввело въ ошибку указанное выше предположеніе его, что вира замѣнила собою кровную месть, между-тѣмъ какъ, по Русской Правдѣ, кровную месть замѣнили частные выкулы, вслѣдствіе чего виры и выкулы могли быть во многихъ случаяхъ совмѣстными, какъ это очевидно изъ статьи о вознагражденіи изувѣченнаго виновнымъ («за вѣкъ») и о платѣ имъ въ то же время полувиры. Если же, по Русской Правдѣ, при Ярославѣ не взималось виры при кровной мести, то это объясняется тѣмъ, что, въ силу народнаго обычая, месть, въ извѣстныхъ границахъ, дозволялась самими правительствомъ и слѣдовательно не была частнымъ произволомъ. Взглядъ этотъ, свойственный юному законодательству, тѣмъ не менѣе признанъ былъ скорѣ несогласнымъ съ правомъ казни, принадлежащимъ исключительно верховной власти, и потому кровная месть была замѣнена безусловно, при дѣтяхъ Ярослава, денежными выкупами. Мы воспользуемся настоящимъ объясненіемъ также для того, чтобы оговорить приписываемое намъ съ прочими изслѣдователями неправильное мнѣніе, что вира шла въ пользу обиженнаго (стр. 92)*).

Предложенныя нами возраженія даютъ намъ поводъ, въ заключеніе отчета объ изслѣдованіяхъ автора по Русской Правдѣ, сдѣлать общее замѣчаніе въ опроверженіе его порицанія тѣхъ ученыхъ, которые углубляются недовѣрчиво въ отдѣльныя статьи и даже буквы древнихъ памятниковъ, прежде чѣмъ рѣшаются предложить какіе либо выводы. Какъ ни вѣрно предположеніе, что лишь изученіе естественнаго хода развитія человѣческихъ обществъ и характера народнаго быта въ данную эпоху дѣлаетъ возможнымъ для изыскателя понять духъ узаконеній этого времени, отдѣлить свое и заимствованное, опредѣлить большую или меньшую древность извѣстнаго учрежденія, обычая, и проч. (стр. 53); но безъ самаго тщательнаго критическаго разбора по самимъ источникамъ тѣхъ данныхъ, къ которымъ должны быть примѣнены такія общія начала, они — скажемъ вмѣстѣ съ г. Чебышевымъ-Дмитріевымъ

*) Въ разборѣ книги г. Денпа «О наказ. въ Россіи до Ц. Алексѣя Мих.» Арх. ист.-юр. свѣд. кн. 3, отд. 4, мы указали на его выводы, съ оговоркою, что ихъ необходимо провѣрить.

— не представляют гарантіи противъ самыхъ явныхъ ошибокъ и грубыхъ промаховъ (стр. 54). Противоположный взглядъ, не смотря на добросовѣстность автора, имѣлъ, по нашему мнѣнію, вредное вліяніе на его розысканія, относящіяся къ Русской Правдѣ, и только благодаря своей талантливости и бывшимъ у него подъ рукою изслѣдованіямъ, онъ былъ въ состояніи дополнить эти послѣднія тѣми полезными объясненіями, о которыхъ мы почли долгомъ упомянуть въ своемъ мѣстѣ.

Періодъ отъ Русской Правды до Уложенія 1649 г. разработанъ авторомъ слишкомъ мало въ сравненіи съ предшествующимъ отдѣломъ въ его книгѣ, который посвященъ главнымъ образомъ разбору одного памятника, тѣмъ болѣе, что и здѣсь онъ начинаетъ опять съ Русской Правды и съ современныхъ ей Уставовъ о церковныхъ судахъ. Тѣмъ не менѣе, впечатлѣніе, произведенное на насъ внимательнымъ чтеніемъ этого отдѣла, таково, что представленный здѣсь живой и занимательный очеркъ тогдашняго быта въ отношеніи къ обществу и правительственной власти, на сколько мы можемъ судить, весьма вѣренъ; почему самому и сдѣланные отсюда выводы, въ примѣненіи къ уголовному праву, проливаютъ свѣтъ на нѣкоторыя еще нетронутыя его стороны и въ особенности на содержаніе тѣхъ памятниковъ, на которыхъ авторъ нѣсколько болѣе остановился. Такъ онъ указываетъ, что въ настоящую эпоху, подъ вліяніемъ духовенства и каноническаго права, получаетъ силу, въ противоположность прежнему началу, теорія устрaшенія и нравственнаго возмездія; объясняетъ дѣйствіе государственнаго элемента на туземный, продолжавшій впрочемъ жить въ общинахъ, и, возражая И. Д. Бѣляеву, который думаетъ, что Іоаннъ Грозный, ратуя противъ приказной администраціи, возстановилъ исконные обычаи и предоставилъ общинамъ право казнить и миловать преступниковъ, — справедливо замѣчаетъ, что это право имѣло теперь значеніе также обязанности, почему въ законодательствѣ Грознаго должно видѣть не возвращеніе къ изстаринынымъ обычаямъ и воззрѣніямъ на преступное дѣйствіе, а продолженіе правительственнаго вліянія, начатаго его предшественниками (стр. 128 — 133). Съ особеннымъ интересомъ читаются страницы, гдѣ авторъ объясняетъ значеніе въ древней Россіи повального обыска, поручительства и свидѣтелей. Нельзя къ этому не прибавить, что, если бы онъ, съ такимъ же вниманіемъ, съ какимъ разсмотрѣны имъ относящіяся сюда статьи Судебника и Псковской Судной грамоты, прослѣдилъ содержаніе и другихъ памятниковъ этого

времени, то безъ сомнѣнія его книга могла бы занять видное мѣсто въ нашей юридической литературѣ. Въ настоящемъ же случаѣ, мы считаемъ себя въ правѣ ограничиться сдѣланными выше указаніями и замѣчаніемъ, что положенія, выставленныя въ концѣ разсматриваемаго отдѣла, требуютъ еще пересмотра на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя упущены изъ виду авторомъ. Чтобы однако наше заявленіе не показалось голословнымъ, укажемъ на уголовныя дѣла и вообще на юридическіе акты, на которые мы почти вовсе не находимъ ссылокъ въ разбираемой нами книгѣ, между тѣмъ какъ внимательное ихъ изученіе должно пролить свѣтъ не только съ одной стороны на народныя воззрѣнія и обычаи, а съ другой стороны на практическое примѣненіе источниковъ каноническаго и свѣтскаго права, къ числу которыхъ есть даже основаніе отнести Литовскій Статутъ*), но и на взаимную связь и воздѣйствіе этихъ источниковъ другъ на друга въ судахъ духовныхъ и свѣтскихъ. Вотъ почему и положенія автора, относящіеся къ періоду Судебниковъ, не касаются вовсе религіознаго элемента, о которомъ онъ распространяется въ слѣдующемъ отдѣлѣ на основаніи Уложенія, и почему онъ даже пришелъ къ заключенію, что «этотъ періодъ довольно бѣденъ данными для изслѣдованія вопросовъ, относящихся къ предмету настоящаго сочиненія» (стр. 172). Чтобы въ этомъ усумниться, достаточно вспомнить, что сюда отнесенъ промежутокъ времени отъ XIII-го или даже XII-го вѣка до 1649 года, и что время это представляетъ самое сильное развитіе духовной юрисдикціи и, какъ сознается самъ авторъ, практическаго вліянія византійскаго начала на развитіе свѣтскаго законодательства. Съ другой стороны, и тѣ выводы, которыя указаны въ положеніяхъ, не могутъ быть признаны, по нашему мнѣнію, достаточно вѣрными, такъ какъ въ нихъ проводится параллель между воззрѣніями общества въ XVI и XVII вѣкѣ и воззрѣніями общества временъ Правды, понимаемыхъ авторомъ, какъ мы видѣли выше; не совсѣмъ правильно. Все это вмѣстѣ даетъ намъ поводъ, не останавливаясь на возраженіяхъ, которыя мы могли бы предложить въ настоящемъ мѣстѣ, высказать ихъ далѣе, при разсмотрѣніи положеній, относящихся къ періоду Уложенія.

Обращаясь къ этому періоду, г. Чебышевъ-Дмитріевъ прежде всего указываетъ на взглядъ Уложенія относительно преступ-

*) См. въ Архивѣ истор.-юр. свѣд. отно. до Россіи, книг. 2 полов. 1-й, дополн. ст. къ Судебнику.

ныхъ дѣйствій, который выразился въ самомъ раздѣленіи этого памятника на главы. Такъ какъ всѣ дальнѣйшіе выводы автора основаны на предложенной имъ здѣсь характеристикѣ, то мы считаемъ неизлишнимъ привести ее въ подлинникѣ, что вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ понятіе о способѣ его изложенія:

«До Уложенія царя Алексѣя Михайловича, на законодательныхъ распоряженіяхъ лежала печать византійскаго вліянія какъ-бы отрывочно; вліяніе это было, такъ сказать, болѣе фактическое, нежели юридическое. Напротивъ, Уложеніе формально признало за источникъ русскаго законодательства статьи, которыя «написаны въ правилѣхъ святыхъ Апостолъ и св. Отець и въ градскихъ законѣхъ греческихъ царей». Византійское право становится болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, источникомъ русскаго права. Не только духовенство руководствовалось имъ, но и воеводамъ предписывалось производить судъ по Уложенію, Градскимъ законамъ и новопредписаннымъ статьямъ. Карамзинъ сообщаетъ извѣстіе, что въ 1654 г. разосланы были къ воеводамъ выписки изъ греческихъ законовъ Номоканона, по которымъ они должны были судить уголовныя дѣла.

«Византійское вліяніе сильно отразилось на Уложеніи въ формальномъ и матеріальномъ отношеніи, также какъ и въ другихъ законодательныхъ памятникахъ XVII вѣка. Подъ вліяніемъ градскихъ законовъ явились въ Уложеніи нѣкоторые новые виды преступленій, напр. отце-убійство, дѣто-убійство, и др., которыя прежде сливались въ одномъ преступленіи душегубства, и т. д. Самое раздѣленіе преступныхъ дѣйствій заимствовано изъ Градскихъ законовъ и Номоканона.

«Русская Правда и законодательство предшествовавшаго періода имѣли главнымъ образомъ въ виду непосредственное зло отъ преступленія и дѣлили преступныя дѣйствія по роду наказанія или по степени ихъ тяжести. Русская Правда дѣлитъ преступленія на три рода: одни изъ нихъ влекли за собою потокъ и разграбленіе, другія подвергались платежу виры, третьи выкупались продажей. Законодательство переходнаго періода различаетъ преступленія губныя и преступленія гражданскія, подвергавшіяся личнымъ наказаніямъ или оплачиваемыя пеней. Въ періодъ Уложенія, сохраняется еще дѣленіе преступныхъ дѣйствій на губныя и гражданскія, но оно уже уступаетъ мѣсто другому дѣленію и теряетъ свою практическую важность. Черты, характеризовавшія доселѣ кругъ губныхъ дѣлъ, распространяются на множество другихъ преступленій. Уложеніе

отрѣшаясь отъ прежняго взгляда на преступное дѣйствіе, приняло и болѣе соотвѣтствовавшее новому воззрѣнію дѣленіе преступныхъ дѣйствій, по объектамъ нарушенія. Оно дѣлитъ преступления на

преступленія религіозныя (глава I);

преступленія противъ государя и государства (гл. II и III);

преступленія противъ порядка управленія и, въ частности, противъ судебной власти государства (гл. IV, VI и X);

преступленія противъ монетной регаліи (гл. V) и вообще преступленія финансовыя (гл. IX и XXV);

преступленія служебныя (гл. VII);

преступленія противъ частныхъ лицъ (гл. XII, XXI, XXII).

«Дѣленіе, принятое Уложеніемъ, не проведено имъ съ надлежащей строгостью, такъ что напр. лжеприсягѣ посвящена особая (XIV-я) глава, но объ этомъ преступленіи говорится и въ главѣ о крестьянахъ. О преступленіи убійства Уложеніе тоже говоритъ въ различныхъ мѣстахъ. Въ главѣ «о судѣ», въ одной и той же статьѣ, вслѣдъ за установленіемъ о томъ, по какимъ праздникамъ не сидѣть въ Приказахъ, Уложеніе дѣлаетъ распоряженіе о томъ, во сколько часовъ передъ праздниками закрывать лавки и прекращать торговлю и пр. Тѣмъ не менѣе, хотя въ размѣщеніи преступленій далеко не было надлежащей строгости, все-таки довольно ясно видно дѣленіе преступленій на публичныя и частныя — дѣленіе, заимствованное изъ Градскихъ Законовъ и Литовскаго Статута (стр. 175 — 179).

Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ:

«Уложеніе является важнѣйшимъ законодательнымъ памятникомъ до-петровской Россіи. Въ исторіи уголовного права оно имѣетъ огромное значеніе не потому, чтобы оно вносило какія-нибудь новыя начала въ русскій юридическій бытъ, а потому что въ немъ ярко выразились и побѣдоносно утвердились тѣ начала, которыя въ первый разъ запали на Русскую почву еще во времена вел. кн. Владиміра. Но само собою разумѣется, что достиженіе этими началами господства, въ законодательствѣ настоящаго періода имѣло естественнымъ результатомъ много измѣненій въ области права вообще и въ характерѣ преступнаго дѣйствія въ частности» (стр. 181).

Измѣненія эти, по мнѣнію автора, состояли въ слѣдующемъ:

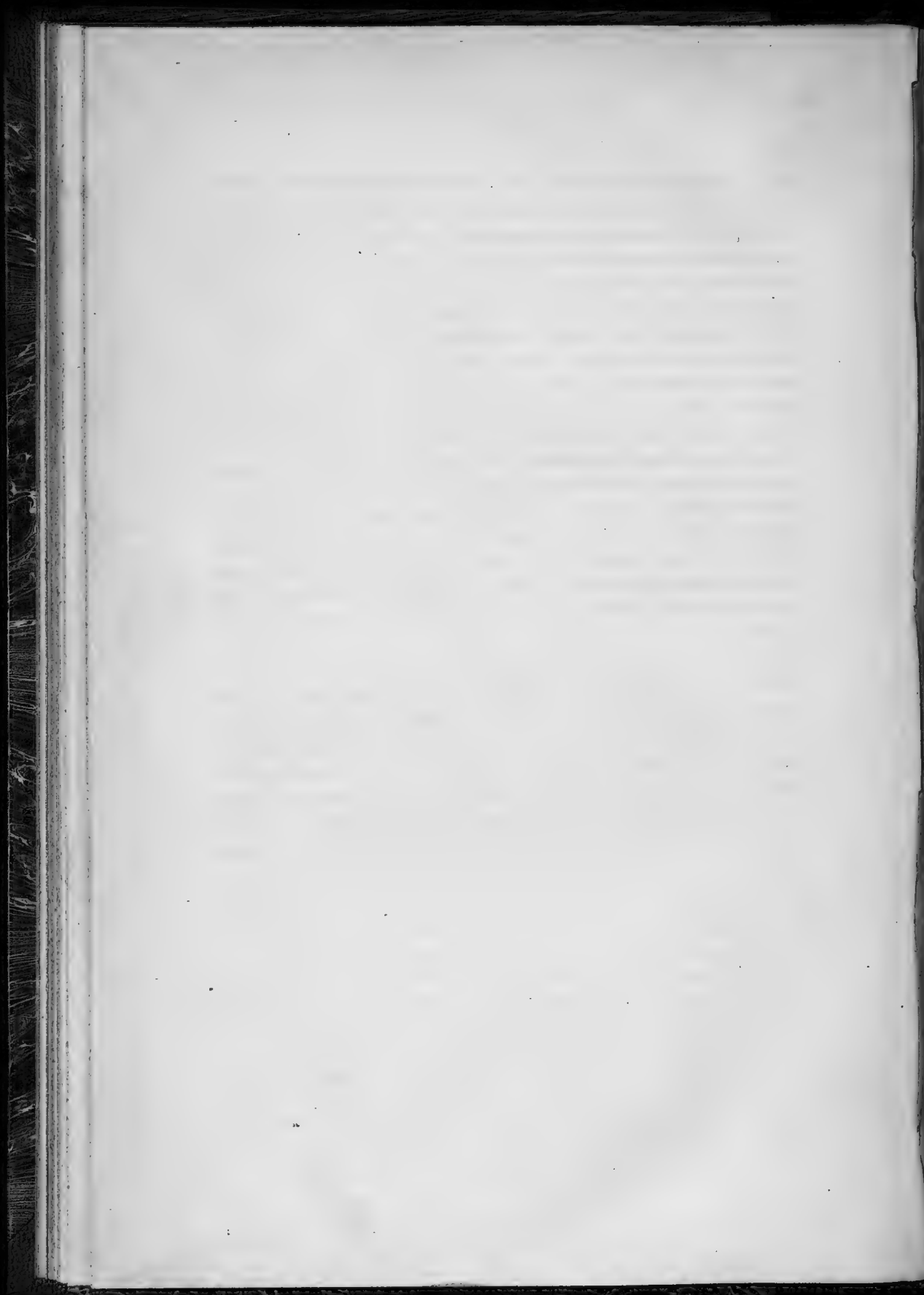
1) на первомъ планѣ, въ понятіи преступленія поставленъ былъ грѣхъ и ослушаніе положительнаго закона; вслѣдствіе этого, съ одной стороны, объемъ преступленій религіозныхъ и противонаравственныхъ и преступленій государственныхъ значительно расши-

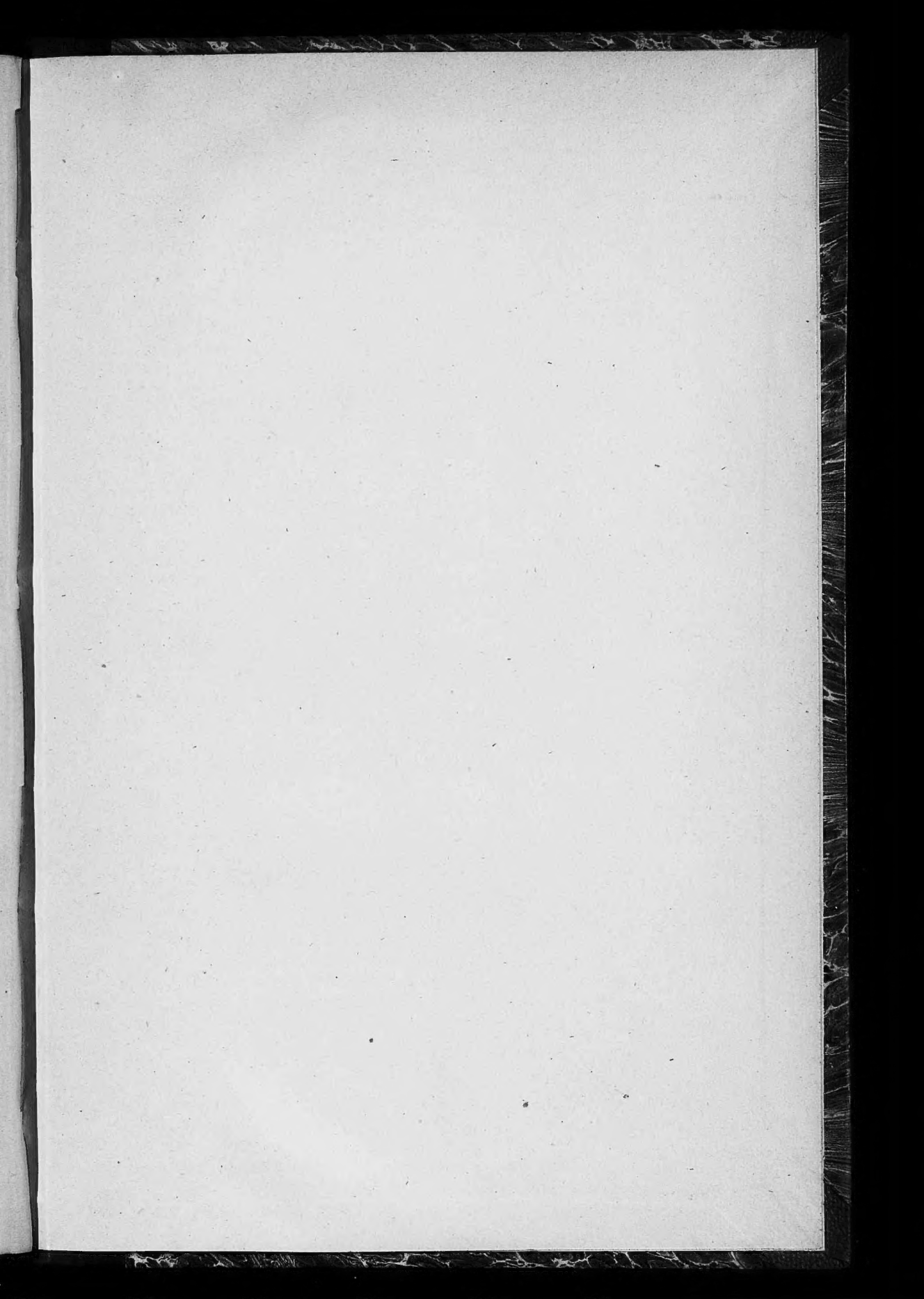
рился, при чемъ нѣкоторые изъ преступленій перваго рода стали наказываться въ видахъ государственныхъ; съ другой стороны, по этой важности, признанной за тѣми и другими преступленіями, они заняли въ Уложеніи первое мѣсто, между тѣмъ какъ для преступленій частныхъ въ немъ почти нѣтъ самостоятельныхъ отдѣловъ; 2) подъ страхомъ наказанія стали запрещаться не только такія дѣйствія, которыя, въ посредственномъ своемъ результатѣ, могли быть вредны для государства, но и такія, преступность которыхъ обусловливается однимъ только неисполненіемъ закона; 3) необходимымъ результатомъ такого взгляда на существо преступнаго дѣйствія явилось усиленіе слѣдственного начала въ дѣлахъ уголовныхъ. Отсюда авторъ выводитъ, что, въ періодъ Уложенія, законодательство, объявивъ преступленіе нарушеніемъ закона и принимая на себя административную опеку въ виду общественной пользы, относительно уголовного правонарушенія, дало окончательный перевѣсъ значенію государственному передъ общественнымъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ общественный интересъ въ наказаніи преступленія уступилъ мѣсто государственному интересу абстрактной справедливости. Наконецъ, въ понятіи преступнаго дѣйствія, моментъ матеріальнаго зла отступилъ на второй планъ передъ формальнымъ моментомъ преступности.

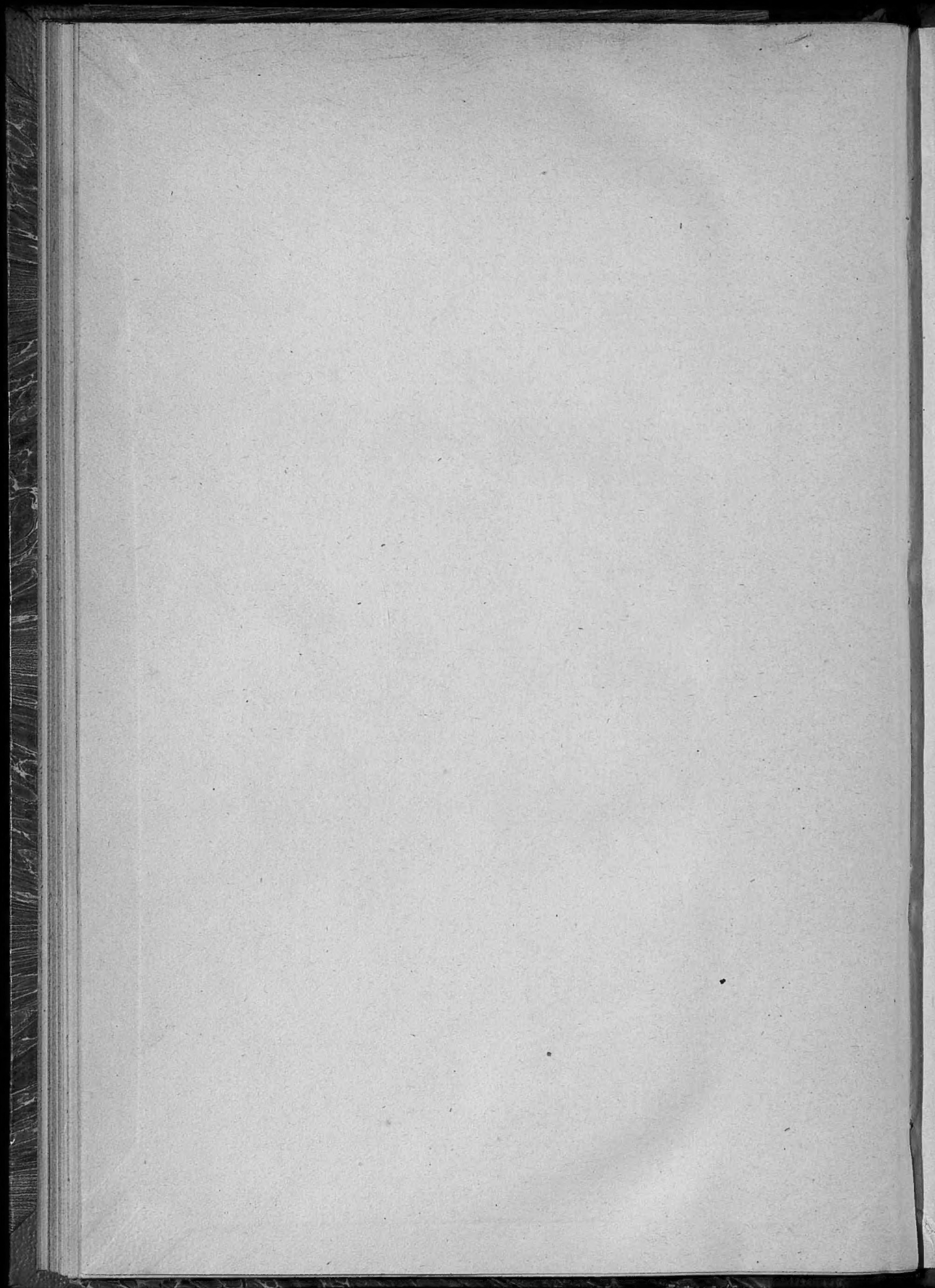
Вотъ тѣ положенія, къ которымъ привело автора изслѣдованіе Уложенія и современныхъ ему памятниковъ законодательства относительно преступнаго дѣйствія. Изъ этихъ послѣднихъ многіе, даже очень важныя, не приняты во вниманіе, но именно потому, что за рѣшительнымъ выводомъ, сдѣланнымъ авторомъ, какъ мы видѣли, на основаніи одного Уложенія, о тѣхъ началахъ, которыми проникнуто законодательство этого періода, онъ признаетъ излишнимъ дѣлать какія-либо дополненія. Соглашаясь съ такимъ заключеніемъ съ его точки зрѣнія, мы думаемъ, что онъ придаетъ Уложенію не надлежащее значеніе въ отношеніи къ своему предмету. Нѣтъ сомнѣнія, что оно не заключало въ себѣ какихъ-либо новыхъ элементовъ и даже какихъ-либо частныхъ постановленій противъ того, что было извѣстно и прилагалось на практикѣ на основаніи изданныхъ прежде источниковъ и въ особенности записныхъ книгъ. Поэтому не ограничиваться Уложеніемъ слѣдовало автору въ настоящемъ случаѣ, а начать съ него и прослѣдить за тѣмъ новоуказными статьями и другіе памятники права до Петра В. Къ какимъ результатамъ привели бы его такія розысканія, мы заранѣе сказать не можемъ; но во всякомъ случаѣ увѣрены, что они бы значительно дополнили

предложенные имъ выводы. Такимъ образомъ объ этихъ послѣднихъ мы должны сказать, что, основываясь на Уложеніи, они относятся скорѣе къ предыдущему періоду, тѣмъ болѣе, что авторъ, въ подкрѣпленіе ихъ, ссылается даже на памятники первой половины XVII-го столѣтія. Мы видимъ дѣйствительно, что общественное начало, о которомъ такъ часто упоминается въ книгѣ г. Чебышева-Дмитріева, какъ о началѣ, противоположномъ правительственному или государственному, уже въ XVI-мъ вѣкѣ не имѣло значенія такъ что общины просили Грознаго, какъ объ особенной милости, о возвращеніи имъ тѣхъ правъ, которыми они пользовались въ отношеніи къ дѣламъ уголовнымъ. Что касается до различія въ преступности между моментами матеріальнымъ и формальнымъ, то намъ кажется, что это различіе, въ постепенномъ развитіи начала государственнаго, могло бы быть выражено гораздо нагляднѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ сдѣлалъ это авторъ, придавъ слишкомъ важное значеніе замѣченному имъ въ Русской Правдѣ усиленію нѣкоторыхъ дѣйствій, признаваемыхъ преступными, злонамѣренностью виновнаго.

Оканчивая этимъ отчетъ о сочиненіи г. Чебышева-Дмитріева, я считаю необходимымъ повторить, что оно есть первый его опытъ въ изслѣдованіи источниковъ отечественнаго законодательства и притомъ по предмету доселѣ еще никѣмъ необработанному. Имѣя притомъ въ виду, что, какъ настоящее, такъ и прежнія сочиненія автора обнаруживаютъ въ немъ замѣчательный талантъ и трудолюбіе, я полагаю, что ему можетъ быть присуждена *половинная* премія.

76-7

